

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ЗЛО

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Эдуард Хруцкий
Зло

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

WWW.SOYUZ.RU

* * *

*Памяти моего друга полковника Игоря
Скорина посвящаю*

Пролог

Москва. Сентябрь 1991 года

Не то чтобы он волновался, а просто было какое-то непонятное ощущение дискомфорта. И людей, сидящих с ним рядом в зале Кремлевского дворца, он никак не мог вспомнить. А как признаешь! У Белого дома, ночами, их было несколько тысяч. И он снимал у костров, на баррикадах, в переулках. Мелькали в визире камеры лица, плечи, поднятые руки. Он снимал и в самом Белом доме. Но там охотно становились под объектив «Бетакама», красиво и напыщенно говорили.

Вот и сейчас они все здесь: Александр Руцкой в генеральском мундире, многозначительный Михаил Полторанин и мрачный Хасбулатов, прищурившийся Бурбулис и щекастый Гайдар.

Новые вожди страны, уставшей от вождизма.

Внезапно все захлопали, и появился президент. Он был высокий, стройный, улыбающийся и, кажется, слегка поддатый. Президент оглядел зал и сказал:

– Спасибо вам.

Потом начали зачитывать список, и люди подходили, получали медали и цветы. И лица их были торжественны и прекрасны.

К президенту подошел Бурбулис и что-то прошептал ему на ухо.

– Я сейчас... вернусь, – сказал президент и быстро пошел к дверям.

Награды начал вручать Руцкой.

Наконец назвали его фамилию. Он подошел к вице-президенту, тот прикрепил к лацкану его пиджака медаль. Протянул удостоверение:

– Спасибо тебе, друг. Поздравляю с первой наградой свободной России.

Внезапно, как набат, из темноты, из прошлого вылез человек с цветами.

Он узнал его. На всю жизнь в памяти отпечатались это аскетическое лицо и тонкие губы монаха, бесцветные пронизательные глаза. Когда-то он собирался убить его. И он понял, что ничего не изменилось, если Шорин стоит за спиной вице-президента.

Так и не взяв цветов, мимо растерявшегося Руцкого пошел к выходу сквозь строй безлико поганных чиновников и мордатых ребят из «девятки». Вышел на улицу. Моросил слабый дождь, на кремлевской брусчатке образовались лужи. Неловкими пальцами отстегнул медаль и бросил ее под ноги в воду, смял удостоверение и швырнул туда же. Теперь он знал твердо: власть не переменилась. Она просто выбросила вперед новых крикливых лидеров, оставив за их спиной чудовищный аппарат.

– Товарищ, товарищ! – окликнул его аккуратно подтянутый сержант из полка охраны и, наклонившись, поднял медаль и начал расправлять скомканное удостоверение. К нему подошел капитан, взял медаль. Прочитал в помятом удостоверении расплывшиеся буквы: «Ельцов Юрий Петрович».

Посмотрел в спину уходящему человеку, потом порвал удостоверение, а медаль вытер о китель и положил в карман.

Ельцов вышел из ворот Кремля, закурил и оглянулся. Кремль стоял незыблемо и державно. Красные стены его, как и много веков назад, плотно отделяли власть от народа.

Часть первая

Знал бы прикуп – жил бы в Сочи

Ереван. Май 1978 года

С балкона десятого этажа был виден белый город. Со стороны Севана на него надвигались набухшие тучи. Солнце, уходящее за горы, подсвечивало их, и они казались ржавыми. Ржавые тучи над белым городом.

– Красиво, – сказал гость и щелчком отправил окурок сигареты в воздух. – Красиво. – Он насмешливо посмотрел на хозяина. – Жаль, что ты, Жорик, не художник, сидел бы на балконе и рисовал, глядишь, и получился бы из тебя новый Левитан.

– У меня, Ястреб, голос сиплый. – Жора усмехнулся фиксатым ртом.

Усмешка сделала его хищным и злым.

– Голос! – Ястреб крутанул головой, достал новую сигарету, прикурил. Душистый дымок фирменного «Кента» поплыл по комнате. – Ну что, Жорик, подумал?

– Сука буду, не поднять мне этого дела.

– Ссучиться всегда успеешь. Ты же лучший вор в этом городе. Или теперь только разводками занимаешься?

– Конечно, на правиле мой авторитет высокий, дорогого стоит.

– Жорик, я из Москвы летел не для того, чтобы узнать, живешь ты по закону или завязал. Я для дела летел. И ты мне это дело поставишь.

– Ястреб, век свободы не видать...

– Кончай базар, Жорик. Иначе свободы больше никогда не увидишь.

– Я, Ястреб, слышал, что ты – человек авторитетный. Какой масти, не знаю, но за тебя самые козырные люди мазу держат. Но я – вор в законе, я всю Армению держу.

– Помолчи, вор в законе...

Ястреб подошел к серванту, забитому хрусталем, открыл дверцу, щелкнул ногтем по одному из разноцветных бокалов венецианского стекла. Бокал ответил ему мелодично и тонко.

Ястреб усмехнулся:

– Упаковался ты, Жорик, под завязку. Прямо секретарь ЦК. Конечно, от такой жизни неохота на дело идти. Но выхода у тебя нет.

– Это почему?

– А потому. – Ястреб достал из кейса, стоящего у дивана, полиэтиленовую папочку со спортивной эмблемой, вынул из нее большую фотографию.

– Это ты писал, вор в законе?

Жорик взял фотографию, и руки у него задрожали.

– Ты... легавый, ты... мент... – захрипел он.

– Не хрипи, падла. Рот твой ссученный. Витя Утюг во Владимирской крытке по сей день гадает, кто его после такого файного дела вложил. А как он узнает и по зонам ксивенку кинет? Понял теперь?

– Понял.

Жорик встал, подошел к шкафу, вынул золотой портсигар с неведомой монограммой, достал папиросу, закурил, затягиваясь часто и глубоко. По комнате поплыл сладковатый противный запах.

– Все дурь смолишь, – поморщился Ястреб.

Он стоял в проеме балконной двери. Высокий, уже погрузневший, в заграничном невесомом костюме, переливающимся в два цвета, американской рубашке с одноцветным галстуком. Из другой жизни пришел в квартиру вора в законе Жоры Ереванского этот человек. Из мира, где живут сильные люди, и играют они по другим правилам, в их колоде всегда пятьдесят два туза. И Жора, смоля папиросу с планом, понимал это, понимал, что ему придется ставить опасное дело.

Дурь прояснила мозг, и соображать он стал быстрее и лучше.

– Ястреб, я врубился. Зла на тебя у меня нет. Не знаю, кто за тобой стоит, но понимаю, что люди не простые. Я все могу сделать, кроме одного. Сейф. Ты же сказал: то, что нужно, находится в сейфе. А такой старый сундук вскрыть могут только два человека – Старик и Махаон.

– Все знаешь. Старика чучмеки замочили в Ташкенте.

– Ай-ай-ай, – удивился Жорик, – кто же руку поднял на такого человека?

– Бакланы, шныри подлючие.

– Мусульманы?

– Они.

– А ответ?

– Был. Черкас с них за всю масть получил. Где Махаон?

– Там, где его не достать. В Лабытнанги, на спеце.

– Пиши ему ксивенку. Только напомни такое, что вы оба знаете.

Вы же с ним кенты.

– Уважаю я его.

– Вот и хорошо, пиши. Да жди его в гости.

– Неужели? – Жорик удивленно посмотрел на Ястреба.

– Мы все можем. И помни: те, кто с нами, живут богато и долго.

– Ты же знаешь меня.

– Поэтому и пришел. – Ястреб вынул из кейса двенадцать четвертаков. – Здесь шестьдесят кусков.

Жорик молча глядел на деньги.

– Четвертак тебе, четвертак Махаону и десять штук подсобникам.

Но учти: в комнате той лежат деньги.

– Много?

– Ты о них забудь. Деньги те – госсобственность. А значит, смерть. Возьмешь хоть пачку – менты и чекисты по всей стране искать будут и найдут. До суда не доживешь – замочат. Это – деньги СССР.

– А коробка в сейфе?

– А ее никто искать не будет. Хозяина коробки на этой неделе к стенке прислонят. Ты его знаешь, распрекрасно знаешь, – Ястреб

взял со стола газету, – ты же читал.

– Абалов!

– Ты же его собственность берешь, значит, ничью.

– Как же ты про сейф-то узнал?

Ястреб засмеялся:

– Пиши своему кенту, пиши.

***Ямало-Ненецкий автономный округ. Поселок Лабытнанги.
Учреждение 3678-С***

Мишка Николаев, кликуха Махаон, вышел из здания промзоны. Бригаду увели в жилую зону, а он остался ждать сменщика, чтобы по счету передать ему сверла.

Одинокие прогулки из зоны в зону на спецрежиме удавалось получить не каждому. Это была привилегия авторитетных воров, живущих по закону. Мишка посмотрел на выцветшее небо, на солнце, похожее на горящий вполнакала фонарь, и закурил. Утомительное дело – полярный день, даже темнота, опускающаяся на тундру почти на восемь месяцев в году, не раздражала его так, как это непонятное время. Мишка курил, смотрел на солнце, вокруг которого образовался черный кантик, и на душе у него становилось муторно. Семь лет ему гнить на этой зоне. Бывает, происходит чудо и освобождают по двум третям. Но надеяться на это можно на любом другом режиме, только не в Лабытнанги. Отсюда даже в побег не уйдешь: тундра. Но о побеге Махаон не думал. Он всегда честно досиживал свой срок. Бегать и прятаться – не в его характере.

На вахте старшина Лазарев, старый вохровский волк, подавшийся на Север из Москвы за копейкой, за всякими там полярными и отдаленными надбавками, формально, с ленцой провел руками по бушлату и брюкам. Он знал, что такой авторитетный вор, как Николаев, ничего не понесет на себе. Если ему что и понадобится – другие пронесут.

– Я, земля, дома был, – сказал старшина, – пивка в Сокольниках попил от пуза.

– Не трави душу, начальник.

– Ничего, Миша, семь лет – не вся жизнь. Не век тебе с номером на полосатке ходить. Откинешься.

– Спасибо на добром слове, начальник.

Махаон был опытным зэком, поэтому сразу же отогнал от себя мысли о Москве, пиве, Сокольниках и начал думать об ужине, о том, что удалось получить передачу от кентов, а завтра он сможет отовариться в ларьке, и о том, что скоро ляжет на вагонку и уснет до подъема.

В бараке они жили семьей. Пять московских воров и Леша Шмаль, мелкий фармазонщик, получивший всего три года. Ему бы сидеть где-нибудь под Калинином, но он втюхал фуфель дочери самого замминистра МВД. За два кольца с фальшивыми бриллиантами папаша распорядился отправить Лешу далеко на Север. Так Шмаль попал на особку. Парень он был свойский и веселый, жил по закону. Три года на этой зоне давали ему право войти в авторитет, и Леша это очень ценил.

А главное, он прекрасно играл на гитаре и пел.

Мишка вошел в барак, и сразу зазвенели струны, и Лешка пропел:

*Звон проверок и шум лагерей
Никогда не забыть мне на свете,
Изо всех своих лучших друзей
Помню девушку в синем берете...*

Любимая песня Махаона. Старая блатная, тридцатых годов. Ее часто пел друг Махаона – знаменитый московский вор Витя Золотой. Кликуху он получил за то, что всю свою жизнь воровал только золото.

Махаон прошел в свой угол, сел и стал стаскивать сапоги. Конечно, старшина – вертухай опытный, но и Махаон – не фраер, пронес он в сапоге сделанный им клинок для финаря.

К нему на вагонку присел московский вор из их семьи, финку Махаон правил для него.

– Ну, спасибо, браток, век не забуду.

– Ты ее спрячь пока, – усмехнулся Махаон, – потом чукча тебе из кости ручку вырежет.

Финку эту делали не для разборок, а для воровского шика. Поножовщины на зоне не было. Во-первых, народ сидел здесь все больше знаменитый, сливки блата, во-вторых, начальник лагеря был человек твердый. Он сам точно выполнял свой закон без всяких отступлений от инструкций и требовал этого же от заключенных. В прошлом году два черкеса устроили на зоне поножовщину. Их повязали, а ночью голых выбросили на снег и полили водой из шланга. Утром захоронили за зоной. Такие здесь были порядки.

Они только успели припрятать нож, как дневальный у входа заголосил:

– Гражданин начальник...

В барак вошел младший лейтенант, помощник начальника отряда.

– Осужденный Николаев, к начальнику, – опять пропел дневальный.

Махаон натянул сапоги и пошел в канцелярию.

Как положено, постучал, открыл дверь и доложил:

– Осужденный Николаев прибыл, гражданин лейтенант.

Начальник посмотрел на него, усмехнулся:

– Собирайся, Николаев. Через полчаса с вещами в штаб.

– Зачем, гражданин начальник?

– Повезло тебе, пойдешь на этап. В Питер тебя отправляют, к следователю. Рад?

– А то, гражданин начальник.

Конечно, Махаон был рад этой редкой удаче. Из Питера его наверняка отправят не дальше Архангельска. А там зоны

нормальные. Там и две трети можно получить.

Все формальности были закончены стремительно. Из зоны Мишку конвоировали два молчаливых парня.

– Значит, так, Махаон, – сказал старший, когда они вышли с вахты. – Теперь для тебя закон – это мы. Дернешься – застрелим. Понял?

– Чего не понять, гражданин опер.

– Вот и ладно, вот и молодец. Руки.

Щелкнули наручники. У Махаона нехорошо стало на сердце. Станный какой-то конвой. Что-то здесь не так. И автозака не было. Стоял у вахты обыкновенный «рафик», без милицейской раскраски.

Ехали долго, машину нещадно трясло на разбитой дороге. Окна были плотно зашторены, поэтому Махаон по арестантскому опыту – в автозаках наездился достаточно – определил на слух, где едут. Вот все больше машин стало попадаться. Потом мост прогудел, значит, переехали Обь. Дорога ровнее стала, слышался неуловимый шум. Это музыка города. Не слышная многим, но понятная человеку, которого многожды возили в закрытых машинах.

Вот затормозили. Наверняка у светофора. Значит, привезли его в Салехард. Машина пропетляла по улицам и остановилась. Один из сопровождающих вылез. Прошло минут десять, и дверь распахнулась.

– Выходи, Николаев.

Мишка выпрыгнул, огляделся. Машина стояла у высокого зеленого забора. Из открытой калитки вышли двое крепких парней в темных костюмах.

– Пошли, Николаев.

Махаон направился к калитке и увидел обычный двухэтажный дом. Окна без решеток и «намордников», входная дверь без «волчка».

– Куда меня привезли? – спросил Мишка.

– Узнаешь скоро, иди в дом.

А дальше все было как в сказке. В прихожей его заставили раздеться догола и отвели в баню. Через час, вымытый, в новом летнем костюме, в хорошей рубашке, он сидел за обильным столом. Отворилась дверь, и в комнату вошел высокий, прекрасно одетый человек.

– Ну, здравствуйте, Михаил. Читайте.

Он положил перед Махаоном письмо Жоры Ереванского.

Ереван. Июнь 1978 года

Махаон разложил на столе инструменты. Три дня он сам мастерил замысловатые сейфовые отмычки. «Сундук», который надо было выпотрошить, был старым, знаменитой английской фирмы «Брилли и сыновья». Таких нынче не делали. Сейчас все больше на электронику надеются. А эту электронику опытный человек отключит на раз. Старые сейфы – это не металлические сундуки. Это целая страна со своими секретами, пропастями и опасными дорогами. Открыть такой сейф, не зная его секрета, невозможно. Правда, новое поколение медвежатников работает грубо, без поэзии. Режет автогеном или заливает «царской водкой». А перед Мишкой стояла задача сложная – открыть и закрыть сейф. Следовательно, надо работать аккуратно и четко.

Уже неделю он жил за городом, в доме Жоры Ереванского. Дача была шикарная. Мебель финская, хрусталь, ковры. И даже чудо техники – видеомэгафон – имел Жора. Стоил он чуть больше «Волги», но вещь, конечно, классная. До глубокой ночи смотрел Мишка американские боевики. Когда он уходил в зону, о таком чуде еще никто и не слышал.

Богато жил Жора. Вообще, «зверьки черножопые» жили совсем не так, как русские блатные. Куда возвращается Мишка после очередной отсидки? В квартиру на Грузинском Валу. Обычную, двухкомнатную. В одной комнате жила мать, в другой – вдовая

сестра с дочкой. Мишка только ночевал там, да и то очень редко. Конечно, помогал родным, потому что любил их и они любили его.

А у Жоры – и четырехкомнатный кооператив в Ереване, и дача, две «Волги», да еще этот необыкновенный магнитофон.

Умеют жить зверьки. Умеют.

Но ни американские фильмы, ни вкусная жратва, ни двадцать пять косых, полученных от Жоры, не могли успокоить Николаева. Само дело его не пугало. Тем более что денег они не брали. То, что сейф Абалова, известного во всем подпольном мире Союза теневика, стоял в госхранилище, не удивляло. Жорик поведал ему, что директор банка – родственник Абалова и тот все свое добро держал там, под госохраной. Все это было нормальным и понятным. Но что за люди стояли за этим делом, Махаон угадать не мог. Жорик рассказал ему, что дело организует Ястреб. Человек в уголовном мире Союза известный, весьма авторитетный, но давно сменивший «масть» и отошедший от воровского мира. Но была у него некая сила, которая могла спокойно открыть ворота зоны, спланировать сложнейшее дело, щедро заплатить за него. Многие мог Ястреб. Вот и документы чистые дал, и справку, что Николаев Михаил Гаврилович сактирован из зоны по состоянию здоровья. Лежали в кармане пиджака документы и деньги, но впервые в жизни не радовали они Махаона. Непокойно было у него на душе, муторно. Пугала его непомерная власть, которой обладал Ястреб.

Но и Мишка тоже не фраер. Не вчера родился. Распрекрасно знал он все примочки дорогих друзей. Мало кому верил Мишка в том мире, в котором ему пришлось жить. Вор благороден только в песнях, которые они сами сочиняют, да на зоне процветает воровское кентовство. На воле – каждый за себя. Неужели менты смогли бы так хорошо работать, не будь среди воров и даже законников их стукачей? Не верил Мишка ни Жорику, ни тем более Ястребу. Но ситуация сложилась уникальная, и он решил использовать ее за всю масть. Он три дня мотался по Еревану, искал подходящий металл для инструментов. И сразу определил, что его

пасут. А то, что это не менты, понял после того, как легко ушел от наружки проходными дворами старого города. Слава богу, Ереван он знал отлично.

Жорик вряд ли нанял для этого русских ребяташек. У него своих зверьков хватает.

В первый же день он встретился со своим дружком стародавним, Ашотом; когда-то вместе топтали зону. Ашот-художник жил в Москве, стал одним из самых модных столичных центровиков, поэтому деньги ему были нужны немалые. Он и сообразил. Начал к десятидолларовой купюре нолик дорисовывать. Валюту чаще всего скупали кавказцы да теневики, они толком-то и русского не знали, не то что английского.

Дело Ашота процветало, пока в Швеции не засыпался классик российской литературы. Он, ничего не зная, засветил в магазине туфтовую зелень. Тогда за дело взялся КГБ, и за месяц, размотав цепочку, вышел на Ашота. Ему вчинили 147-ю статью – мошенничество – и отправили на два года в зону. Там Мишка с ним и познакомился. Потом они встречались и на воле. Ашот осел в Ереване и для узкого круга лиц делал документы, неотличимые от настоящих. Самое интересное, что, когда менты проверяли паспорт по ЦАБу, все данные сходились, один в один. За полтора куска (дружба дружбой, а дело есть дело) Ашот сделал Мишке паспорт на имя Прокудина Михаила Сергеевича и удостоверение инструктора Московского городского совета ДОСААФ.

Мишка не стал говорить Жорику о людях, которые все три дня так неудачно пасли его. Кто его знает, а вдруг и его гостеприимный хозяин в деле с этими козлами. Не верил Махаон никому. Особенно ворам. Ему давно предлагали «короноваться» и стать вором в законе, но Мишка не хотел этого. Не устраивали его никакие законы, ни ментовские, ни воровские. Он сам по себе жил. Работал без подельников, никого не сдавал, в драке был свиреп и неукротим, как-никак бывший боксер. На правила воровские не ходил, незачем ему заниматься разводками и решения выносить. Сам он жил

правильно и за себя на любом толковище ответить мог, да и многие авторитетные воры за него держали мазу.

Часов в двенадцать появился озабоченный Жорик. Он был расстроен, и не скрывал этого.

– Дело делаем сегодня вечером, – сообщил он.

– Что-то ты смурной, Жорик, – засмеялся Мишка, – не хочешь от своего добра очко ментам подставлять.

– А ты хочешь?

– Мне деваться некуда. Меня с кичи для этого сдернули.

– И я не хочу, – честно признался Жорик, – да тоже деваться некуда.

– Значит, держит тебя Ястреб?

– Держит.

– Ну, говори расклад.

– Рядом с банком дом выселенный, они крышами соединены. С крыши попадаем в комнату. Там раньше учебный класс был. Сигнализации нет. Шестерки пол пробивают и уходят. Мы идем с тобой. Ты спускаешься по веревке, вскрываешь сейф.

– А менты?

– Им не до нас. Они во дворе свадьбу начальника охраны праздновать будут.

– Чудны дела твои, Господи. – Мишка перекрестился. – Такое только у вас, у зверьков, возможно.

– Не обижай, дорогой.

– Так я не со зла – от зависти.

– Каждый народ по-своему живет.

– Это уж точно.

– Так ты готов?

– Как юный ленинец. – Мишка поднял руку в пионерском приветствии.

– Тогда переодевайся. – Жорик подошел к шкафу, вынул тренировочный костюм.

– Нет, Жорик, – Мишка махнул рукой, – у меня примета верная: в чем одет перед делом, в том и иду.

– А как же ты в ювелирном на Арбате завалился?

– По дурусти комбинезон напялил.

Жорик замолчал. С одной стороны, Ястреб велел, чтобы они с Мишкой в тренировочных костюмах были. Но он был вор, а значит, безоговорочно верил в приметы, талисманы, гадания. Доводы Мишки перевешивали доводы Ястреба, и Жорик сказал:

– Делай как знаешь. Как тебе Болдоха подскажет. Только ксивенку, что тебе сделал Ястреб, оставь дома.

– Неужели я ее светиться на дело возьму?

– Тогда отдыхай. Обедать будешь?

– Нет, только чаю попью. Я на дело впроголодь иду, как волк.

Жорик засмеялся, сверкнув золотыми зубами. Он ушел, а Мишка лег на диван, взял найденную на полке книгу «И один в поле воин...» и читал до вечера. Когда стемнело, он проверил инструмент, спрятал в поясе, надетом на голое тело, паспорт – подарок дружка Ашота – и деньги. Одедся.

Внезапно набежали тучи, и по подоконнику барабаном застучали дождевые капли. Мишка подошел к окну. Во дворе стояла плотная стена ливня. Это был особый, короткий и сильный южный дождь. Он словно светился в темноте, в огне фонарей, казался голубовато-чистым. Давно он не видел таких дождей. Там, на Севере, они были затяжными и пугающе темными.

Дождь перед делом – к удаче. Хорошая примета. Значит, бог бродяг Болдоха посылает ему весточку, обещает, что сладится нынче вечером всё.

Ливень прекратился так же внезапно, как и начался. Только со звоном падали капли в стоящие под водостоками кадушки.

Мишка закурил. В сыром воздухе запах табака был особенно резким – давал понять, что дух его был лишним в этом буйстве ощущений.

– Пошли, – сказал вошедший в комнату Жорик, – пора, Миша.

Махаон вынул из кармана ксиву, сделанную Ястребом, положил на стол. Жорик мазнул по паспорту глазами, но сделал вид, что совершенно не придавал этому значения. Они вышли в сад, в мир необычайных после дождя запахов. Цветы благоухали нежно и остро.

– Как пахнет, а? – хлопнул Мишку по плечу Жорик.

– Как в крематории.

– Ты что, ты что... – Жорик сплюнул через левое плечо и перекрестился, – не говори так, а!

У калитки их ждала машина. Ехали долго, петляли по улицам. Наконец у мрачного четырехэтажного дома машина остановилась. По черной вонючей лестнице они поднялись на чердак.

– Пришли, – вздохнул Жорик. – Теперь будем ждать.

– Твои шестерки где?

– Уже работают.

Обычно курить очень хочется, когда нельзя. Мишка это знал по богатому жиганскому опыту, поэтому он достал спичку и начал перекачивать ее зубами. Ждать и убегать для него – дело привычное, вот догонять он не умел. Откуда-то доносились звуки песен. Видимо, мусора серьезно гуляли во дворе банка. Почему-то Мишке внезапно показалось, что жизнь его остановилась. Встала, как дрезина, упершаяся в рельсовый ограничитель. Словом, эта ночь разорвала ее на две части. В одной осталось все его прошлое, другая обещала быть необыкновенно прекрасной.

Он знал, что сделает со своими деньгами. Четвертак, полученный сегодня от Жоры, да двадцатник в заначке дадут ему возможность пожить неплохо. Он не поедет в Сочи с Жорой, а рванет в Ялту, к старому другу. Домик маленький купит, на работу устроится. А там посмотрит. Южная жизнь – веселая, легкая, как конфетти. Посмотрим, как сложится. Посмотрим.

Вот уже совсем темно стало, сквозь чердачное окно начал пробиваться прохладный ветерок. Он немного остудил

разгоряченное лицо, и Мишка задремал. А проснулся от звука голосов. Жорик с кем-то невидимым в темноте говорил по-армянски.

– Поспал, Миша? – наклонился к нему Жорик.

– Немного. Пора?

– Ну и нервы у тебя.

– Вылечил в лучшем санатории Лабытнанги.

– Ты что, ты что... – Жорик снова трижды плюнул через плечо, – такое перед делом вспоминаешь.

– А ты, Жорик, наколку на груди изобрази: «Кто не был – тот будет. Кто был – не забудет».

– Веселый ты, Михаил, сегодня.

– На веселое дело идем.

Мишка раскрыл сумку и вынул халат. Обычный синий рабочий халат.

– Я готов.

Мимо двух молчаливых амбалов они прошли к чердачному окну.

– Давайте я вашу сумку понесу, – сказал один из них с сильным акцентом.

– Не надо, браток, я, как Диоген, все свое ношу с собой, – ответил ему Мишка.

– Не слышал такой кликухи.

– Не слышал и не надо, – зло прошипел Жорик, – тебе по закону с таким человеком, как Махаон, базлать без разрешения нельзя.

Они вышли на крышу. Внизу разбегались улицы золотистыми фонарными строчками. Ничего не скажешь, красивый вид.

*Сидели мы на крыше,
А может быть, и выше,
А может быть, на самой на трубе, –*

пропел Мишка куплет с детства приставшей к памяти песни.

– Веселый ты парень, Миша, – помотал головой Жорик, – ничего не боишься.

– Боюсь, Жора, боюсь.

Чего он боится, Мишка пояснять не стал: надо было перепрыгивать на крышу банка. Потом они влезли в чердачное окно. Мишка зажег фонарик. Чердак был завален перевязанными шпагатом пачками документов.

– Пожара не боятся, – шепнул он Жорику.

Дверь.

Лестница.

Снова дверь.

Комната заставлена старыми столами, стульями, шкафами. Посередине пол был вскрыт и виднелся черный проем.

Мишка достал из сумки альпинистский трос. Вот то, что он искал. Под одним из окон батарея была снята, а из стены торчали крепежные крюки.

Махаон сноровисто обмотал трос вокруг крюка. Затянул, подергал. Вроде порядок. Он сбросил трос в дыру. Повесил через плечо сумку.

– Ну, я пошел.

– С Богом, – прошептал Жорик и перекрестился.

Мишка протиснулся в дыру и осторожно спустился. Подошвы мягко коснулись пола. Махаон достал фонарик. Жесткий конус света вырвал из темноты стеллажи с уложенными и запечатанными в полиэтилен пачками пятидесятирублевков.

Вот это да! Вот это место!

И в ушах зазвенела старая уркаганская песня, которую пел под гитару его сосед Юра Ельцов:

*Деньги советские ровными пачками
С полком глядели на нас.*

И думать Махаон не мог, что придется ему хоть раз такое увидеть. Но нельзя было сопли распускать. Деньги эти декорацией были, мифом, темой для рассказов.

Свет фонарика побежал дальше и уперся в сейф. Вот и ты, мой маленький. Вот ты где. Ну что же, давай знакомиться, я уже наладил отношения с тремя твоими братишками. Думаю, и мы подружимся.

Рукой в тонкой нитяной перчатке Мишка погладил нового знакомого. Обласкал его, бедолагу. Потом достал из сумки стетоскоп, вставил в скважину отмычку, прижал головку стетоскопа к металлу.

Раз. Два. Три.

Отмычка хорошо взяла зубья замка. Все правильно, заблокировал замок Абалов. Хитрый чучмек, битый зверек. Но только мы тоже не фраера. Мишка, как пианист по клавишам, пробежался по металлической лепнине сейфа.

Вот, поддалась одна. Он посветил фонарем и вставил в скважину «лисью лапу». Щелчок был громким, как выстрел. Мишка перевел дух. Блокировка снята. Теперь снова отмычка-девочка. Вошла, вошла, милая. Мягко, как домой.

Теперь осторожно. Вправо. Влево.

Пусть обвыкнется, зацепит зубья, ляжет на них.

Пора. Он резко повернул отмычку. Замок поддался без звука. Что и говорить, последний он профессионал остался в Союзе. Последний.

Махаон повернул ручку, потянул на себя. Сейф чмокнул, как банка с грибами. Луч фонарика сразу же уперся в коробку. Вернее, в ларец. Большой цены вещь. Одни камни на вензеле стоят дорого.

Мишка вынул ларец. Тяжелый, падла. Видно, много брюликов в нем. Но это не его дело. Мишка спрятал ларец в сумку. Посветил фонариком.

Много добра прятал здесь Абалов. Одних долларов немерено. Часы золотые. Пистолет. Обычный «тэтэшник» со стертym воронением.

Повинуясь внутреннему чувству, Мишка достал пистолет, выщелкнул обойму. Патроны на месте. Тогда он вбил магазин в ручку, передернул затвор, поставил пистолет на предохранитель и сунул его под пиджак, сзади за ремень. И еще он взял черную записную книжечку. Пригодится. Может, сюда и записал ожидающий расстрела Абалов тайну своих схронов.

Потом Мишка аккуратно закрыл сейф и дернул за веревку. Его подняли быстро и споро.

– Ну? – прошептал Жорик, когда голова Мишки просунулась в дыру.

– Погоди.

Махаон уперся руками в пол, вылез.

– Все у меня. Сваливаем.

На чердаке Мишка вынул ларец из сумки, протянул Жорик:

– На.

– Фанеры там много? – поинтересовался Жорик.

– На сто жизней хватит.

Он не видел в темноте, как один из амбалов сжал другому руку.

– Мы сейчас уйдем, – сказал им Жорик, – а вы дыру прикройте, чтобы сразу в глаза не бросалась.

Те ответили что-то по-армянски. Но Мишке было не до них, на лестнице он закурил. Как все-таки сладок грех после воздержания.

Они с Жориком вышли на улицу. Пусто.

– Давай к машине, – Жорик тоже закурил, – слепили мы дело, Миша. Слепили.

– А ты как думал.

Они подошли к «Волге». Дверца открылась, и вылез Ястреб. Он был такой же элегантный и добродушный. Только на этот раз оделся в коричневый костюм с переливом.

– Ну как, Жорик?

– Все нормально. – Жорик протянул ему ларец.

– Большой цены вещь. Работа Фаберже, – сказал Ястреб. – Что молчишь, Махаон?

– А ты меня, Ястреб, никак на правило выдернул...

Мишка не успел договорить. У них за спиной затормозил «рафик», из него выскочили четверо одинаковых амбалов в вельветовых джинсах и модных летних рубашках.

– В чем дело, Ястреб? – тихо спросил Жорик. – Ответа не боишься?

– От тебя оборотки не будет, Жорик. Кто за ссученного слово скажет? А Махаона нет. Умер он на зоне. Сердце не выдержало. Поэтому прощайте, подельники.

– Не знал я, Ястреб, что ты такая падаль. – Мишка сплюнул.

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, так, Махаон? – засмеялся Ястреб.

– Ты что?! Ты что... – Жорик рванулся к Ястребу. Но двое амбалов скрутили его и поволокли к «рафику».

– Машина теперь тебе, Жорик, ни к чему, – сказал ему в спину Ястреб, – я ее за расходы забираю.

Один из амбалов, мордатый блондин, обстукал Мишку. Делал он это непрофессионально, не по-ментовски.

– Пустой.

– А то как же, – ощерился Ястреб, – авторитетный вор с собой на дело лишнего не возьмет. Перед тобой, Махаон, я в замазке. Но падла буду, если бы не заказчики, волчары позорные, я бы на тебя руку вовек не поднял. Если можешь, не держи душу на меня. Я долю, что у Жорика лежит, твоим родным передам.

– И на том спасибо, Ястреб, – Мишка скрипнул зубами, – только если фуфло зарядишь, я с того света за тобой приду.

Мишка повернулся и пошел к машине. Влез в салон, сел в углу. Машина тронулась. Двое амбалов сидели с ним, двое – в кабине.

Машина летела по пустым улицам, что-то бормотал по-армянски забившийся в угол Жорик, дымили сигаретами охранники.

– Я халат сниму, – сказал Махаон, – а то жарко.

– Снимай, – заржал блондин, – скоро тебе холодно будет.

Мишка приподнялся, стянул халат вместе с пиджаком, выдернул из-за спины ствол.

– На пол, суки!

Лица охранников застыли от ужаса.

– На пол.

– Ты чё, Махаон...

– На пол! – Мишка повел стволом.

Оба амбала легли в проходе. Жорик среагировал мгновенно: профессионально обыскал лежащих и изъяс два пистолета Макарова.

На кресле лежала Мишкина сумка с инструментами. Махаон вытащил нож и альпинистский трос. Разрезал его.

– Связать сможешь? – спросил он у Жорика.

– Давай, дорогой, я им «ласточку» заделаю не хуже, чем в ментовке.

Жорик работал умело. Через несколько минут оба амбала лежали на животе, одна нога была прикручена к связанным рукам.

– Куда вы нас везете, суки? – Жорик ударил одного под ребра.

– В старый карьер, – со стоном ответил амбал.

– Погоди, Жорик. – Мишка сел, закурил сигарету. – На кого работаете, бакланы?

– Мы при фабрике, в Балашихе.

– Значит, бомбардиры. Долги выбиваете, левый товар конвоируете. Так?

– Так.

– Кто хозяин?

– Зельдин Семен Борисович.

– Адресок его дай.

– Зачем?

– За беспокойство получить.

– Нижняя Масловка, дом 5, квартира 40.

– Значит, вас Ястреб нанял?

– Да.

– Что ж он покруче людей не взял?

– Подъезжаем, – перебил его Жорик.

Машина начала притормаживать у обрыва и остановилась. Мишка и Жорик с пистолетами в руках выскочили из салона.

– Руки за голову, суки. Из кабины. Медленно! – рявкнул Жорик.

Один из бомбардиров замешкался.

– Пулю захотел? – почти ласково спросил Мишка.

Их обыскали. Вытащили двоих из салона.

– Слушайте меня, бакланы. Вы, волки позорные, шныри опущенные, подняли руку на воров. За это закон карает смертью.

– Не надо... не надо... – заплакал один из амбалов.

– Мы вас, шестерки трахнутые в рот, мочить не будем. Но запомните: еще раз поднимете руку на воров – наш закон страшнее ментовского.

Жорик и Мишка влезли в кабину «рафика».

– Куда? – спросил Мишка.

– В Баку. – Жорик повернул ключ.

Они не знали, что трое подсобников, забыв о страхе перед Жориком, забыв о воровском братстве, вытягивали из пролома третий мешок денег. Шестерки видели тугие пачки зеленых пятидесятирублевков и не хотели знать больше ничего. С такими деньгами они становились смелее и выше всех, потому что на них могли купить «коронацию» в воров в законе, нанять любых бойцов и приобрести все голоса на воровском сходняке.

Жорик, Мишка и Ястреб узнают об этом только через три дня.

«Секретно

ЦК КПСС

*Заведующему отделом административных органов тов.
Савинкину Н.И.*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Сообщаю Вам, что проведенными оперативной установкой и следствием по делу ограбления Ереванского республиканского государственного банка арестованы граждане Микосян Л.С. и Геворкян Б.М. Они показали, что в деле принимали участие гр. Арбемян Г.В. и неизвестный по кличке Миша Махаон. Арбемян Г.В., он же Жора Ереванский, известный рецидивист, убит в г. Сочи 28 августа 1978 года, в результате воровских разборок.

Согласно оперативному учету ГИЦ МВД СССР, Миша Махаон, он же Михаил Гаврилович Николаев, в момент совершения преступления отбывал наказание в учреждении 3678-С в поселке Лабытнанги, где и умер в сентябре 1978 года.

Розыск человека, назвавшегося именем з/к Николаева, продолжается.

Начальник ГУУР МВД СССР

генерал-лейтенант милиции А. Волков

10 ноября 1979 года»

Часть вторая

Цветные сны

Москва. Март 1982 года

Сегодня он чувствовал себя хорошо. И день мартовский выдался теплым и солнечным. Из окон был виден почти рождественский снег, отливающий на солнце старым серебром. Незнакомый ему человек из obsługi водил деревянной лопатой по и без того чистой дорожке. Он не знал его, а каждое новое лицо внушало неосознанное подозрение. Слишком долго он возглавлял КГБ, чтобы верить в случайные совпадения. Это растревожило. Андропов ждал человека, встречу с которым афишировать не хотел.

Он подошел к столу, нажал на кнопку звонка. В дверях появился прикрепленный офицер, которого он знал давно и практически верил ему.

- Слушаю, Юрий Владимирович.
- Сережа, что это за таинственный незнакомец убирает дорожки?
- Не беспокойтесь, Юрий Владимирович, это наш парень.
- Кто?
- Валера Сургучев, лейтенант, я его сам выбрал.
- Вот как...
- Так точно.
- А почему он с лопатой?

Прикрепленный замялся.

- Почему? – мягко переспросил Андропов.
- Попросился ближе к дому, хотел на вас посмотреть.

Андропов усмехнулся. И вспомнил, что когда он учился в речном техникуме в Рыбинске, то специально ездил в Ярославль, чтобы увидеть приехавшего туда Шверника.

- Идите, Сережа.

Он снова подошел к окну. Плечистый парень продолжал разметать чистую дорожку, то и дело оглядываясь на окна второго этажа. Теперь он вызывал симпатию председателя. Человек слаб, даже крошечная лесть ему приятна.

Смешной этот эпизод немного отвлек Андропова от неприятных воспоминаний. От последнего разговора с Суловым. Покойного Андропов не любил давно, справедливо считая, что «серый кардинал» партии вместе со своими присными толкает страну в пропасть.

Мир не просто изменился – он становился совершенно иным. И только одна шестая часть суши по-прежнему держалась за архаические догмы. Ленин, которого так любил цитировать главный идеолог партии, подходил творчески к построению социализма. Он не боялся в один день начать новую экономическую политику, которая уничтожила инфляцию и сделала рыковский золотой рубль дороже доллара.

Мир потрясал экономический кризис, а Советский Союз усиленно формировал многоукладную экономику. Но пришел к власти суловский идеал – Сталин, – и люди на Украине сотнями тысяч гибли от голода.

Попытки Косыгина изменить экономические рычаги разбились о замшелый консерватизм второго лица партии. Именно Сулов стал отцом дефицита. Именно его глупость и упрямство породили невиданный рост теневой экономики. Неужели он, советуя недалекому Хрущеву уничтожить промкооперацию, не знал, что артельщики займутся подпольным бизнесом? Конечно, знал, партдогмы для него были важнее благосостояния народа и стабильности в государстве.

Ежедневно Андропов читал сводки о настроениях на заводах, в шахтах, колхозах. Читал и понимал, что среди тех, кого они именовали главным классом в стране, растет недовольство. Это был не интеллигентский кухонный шепот, который ежедневно

выискивало Пятое управление его конторы. Все эти доморощенные интеллектуалы просто мололи языками.

Он-то хорошо знал, что такое революция. Он был послом в Будапеште, когда на улицах жемчужины Дуная рассыпалась автоматная дробь. Ах, как хорошо он помнит это! Помнит и боится повторения этих событий.

А тот страшный ноябрьский день, когда у посольства бушевала многотысячная толпа? Тогда с ним соединился по спецсвязи председатель КГБ Серов и сказал:

- Не бойся, я пришлю людей.
- Но посольство блокировано.
- У меня всё.

А через полчаса в здании появились неведомо откуда взявшиеся странные военные в пятнистых костюмах, которые он видел только в фильме о военных разведчиках «Звезда». Они поднялись по лестнице на второй этаж. Рослые, широкоплечие, в одинаковых шерстяных пилотках. Старшего он определил только по портупее. Он хорошо запомнил этого офицера. Молодого, светлоглазого, совершенно невозмутимого. Тот сидел в его приемной, курил и тихо отдавал распоряжения. В его поведении сквозили спокойствие и уверенность в собственных силах.

Андропов надолго запомнил этих молчаливых ребят и их командира, кутившего сигареты по-фронтовому, в кулак.

Работая в ЦК, ему, конечно, приходилось смотреть определенные материалы, но со всем объемом информации он столкнулся, возглавив спецслужбу. Знания эти только умножали скорбь. Страна нуждалась в коренных переменах. Люди мечтали о социализме с человеческим лицом. Они хотели жить хотя бы как в Болгарии, имея минимальные экономические и идеологические послабления.

Смерть Суслова открывала для него новые возможности. Он уже знал, что Брежнев рассматривает его кандидатуру на место второго лица в партии. Но постоянная подковерная борьба за власть среди членов Политбюро могла вынести на гребень политической волны

другую кандидатуру. Основных претендентов, кроме него, было пять: Виктор Гришин, Андрей Кириленко, Константин Черненко, Григорий Романов и Николай Щелоков. И хотя министр внутренних дел пока еще не был членом Политбюро, уже ходили упорные слухи о его избрании в кандидаты.

Андропов один из немногих знал о состоянии здоровья Брежнева. Дни генсека практически сочтены. Он уже не управлял государством, хотя кадровые вопросы по-прежнему решал сам. Брежнев мог в одну минуту снять любого с должности, выкинуть из Политбюро. Отправить на работу чиновником в комитет, курирующий профтехобразование. Так он поступил с некогда могущественным Шелепиным, которого за глаза звали «железный Шурик».

Андропов хотел стать генсеком. Им двигало не тщеславие. Нет. Он мечтал начать реформы и много думал о них. Но никому, даже самым близким людям, не доверял своей тайны.

Ему удалось убрать из Политбюро одного из основных соперников – Кирилла Мазурова. Гибель Петра Машерова, верного претендента на пост генсека, оставила только эти пять фигур.

Пять его конкурентов не терпели друг друга. Но перед лицом опасности они объединялись и становились мощной силой. Поэтому надо было убирать их поодиночке, благо компромата хватало на каждого.

Председатель КГБ рисовал на листе бумаги одному ему понятные кружки и квадратики, соединял их прямыми и волнистыми линиями. Он должен был действовать. Социалистический блок давал трещину. ГДР, 1953 год. Польша, 1955-й. Венгрия, 1956-й. Чехословакия, 1968-й. Страшные события, которые могли повториться в любой момент.

Андропов помнил и о Новочеркасске, о восстании рабочих, безжалостно и кроваво подавленном Хрущевым. Бывший первый секретарь был человеком вздорным, а председатель КГБ Семичастный просто дураком. Все можно было решить путем умелой

оперативной работы чекистов и взвешенной политикой местных властей. Но дело кончилось большой кровью и применением армии.

Чтобы стать во главе государства после смерти Брежнева, которая могла наступить в любой момент, ему необходимо победить своих соперников. И в первую очередь Виктора Гришина. Сложность заключалась в том, что начальник московского УКГБ был доверенным человеком главы московских коммунистов. И хотя генерал постоянно демонстрировал свою непоколебимую преданность председателю КГБ, Андропов знал о многих его частных беседах с Гришиным.

...Что-то не сходилось в его рисунке, и это раздражало Андропова, не хватало одной линии к жирно очерченному квадратику, и тогда этот рисунок можно было бы зачеркнуть.

Но не прочерчивалась пока эта линия, прямая и точная, как стрела, направленная во врага, а это делало всю сложную схему недееспособной.

Одна линия. Цепь доказательств. Слой компромата. Факты. Только они смогут заменить вялую волнистую линию на упругую и беспощадную стрелу.

В дверь постучали.

– Войдите.

– Генерал Михеев прибыл, Юрий Владимирович.

– Хорошо. Проводите его на террасу, предложите чаю. Я сейчас.

Андропов достал из кармана ключ с затейливой бородкой, открыл правый ящик письменного стола. В нем лежала папка со стихами, которые он писал, и именно это занятие приносило ему душевный покой. Под ней находилась еще одна, самая обыкновенная, канцелярская с синими тесемками.

Он аккуратно развязал их, взял новую схему и положил ее поверх нескольких таких же, испещренных квадратами, треугольниками, кружками и стрелочками листов. Ни один человек не смог бы разобраться в этой странной клинописи. Секрет зашифрованных листов знал только сам автор.

Генерал Михеев, начальник недавно созданной службы, которая занималась борьбой с коррупцией в высших эшелонах власти, ждал председателя на теплой террасе. Он не притронулся к предложенному чаю, считая неприличным садиться за стол без начальника.

Ночью выпал снег. Последний, мартовский. Тяжелый и сырой. Он не лег, а облепил ветви деревьев. Лес за окнами стал напоминать рождественскую открытку.

Андропов появился тихо, и, когда генерал обернулся, хозяин уже сидел за столом.

– Здравствуйте, Борис Николаевич, прошу к чаю.

– Здравия желаю, Юрий Владимирович! – Генерал вытянулся, и показалось, что на плечах элегантного штатского пиджака выросли погоны.

Андропов посмотрел на него, как художник глядит на свое произведение. Это он выбрал его среди сотен офицеров контрразведки, внимательно наблюдал за ним, проверял при выполнении сложных заданий, пропустил через Чехословакию и Афганистан, а потом назначил руководителем нового управления.

Андропову нравился этот образованный импозантный сорокалетний человек.

– Садитесь, Борис Николаевич. Наверное, хотите курить?

– Очень, Юрий Владимирович.

– Ну что ж. Тогда давайте прогуляемся по участку.

Они шли по дорожке, мимо закованных мокрым снегом деревьев. Пригревало теплое солнце, и подтаявший снег с шумом падал на оседающие сугробы.

– Последний снег, – задумчиво сказал Андропов, – больше наверняка не будет такого снегопада. Вы любите снег, Борис Николаевич?

– Я, Юрий Владимирович, предпочитаю лето, песок, пляж.

– Вы еще молоды, Борис Николаевич, вас влечет пляжная суэта, теплое море. Любовь к зиме приходит с годами. Снег – это седина.

А седина – преддверие старости.

– Ну зачем же так, – искренне расстроился Михеев.

Андропов уловил эти нотки в его голосе. И поверил ему.

– Ну что расскажете, Борис Николаевич? – спросил председатель.

– Юрий Владимирович, мой аппарат упорно работал и подготовил справку. – Михеев расстегнул молнию папки и протянул председателю несколько листов машинописного текста.

Андропов взял, полистал.

– Десять страниц.

– Так точно.

– Тогда поскучайте, пойдите покурите, а я поработаю с вашим материалом.

Андропов взял справку и пошел к веранде. Он ознакомился с материалами больше часа. Когда Юрий Владимирович спустился на веранду, Михеев читал журнал «Огонек». Он встал, выжидательно глядя на Андропова.

– Садитесь. Я доволен. Весьма точный и интересный документ. А главное, очень перспективна аналитическая часть. Вот какой у меня вопрос... – Андропов пролистал справку, остановился на странице, где несколько абзацев было подчеркнuto красным карандашом. – Борис Николаевич, что это за история с ереванским банком?

– Мы с достаточной долей ответственности, Юрий Владимирович, можем предполагать, что из банка, кроме денег, были похищены уникальные изделия Фаберже и редкие ювелирные украшения известных мастеров.

– Насколько я помню, это преступление было раскрыто?

– Так точно, задержали преступников. Но почему-то еще за три месяца до их ареста Щелоков и начальник ГУБХСС доложили Брежневу, что преступники уже арестованы, и прекратили дело.

– Любопытно. Очень любопытно. Мы сами не знаем, в каком обществе живем.

– Более того, журналист Юрий Ельцов, который начал вести собственное расследование, был арестован при весьма странных обстоятельствах и осужден на два года по двести шестой статье. Ельцов – человек в высшей степени законопослушный, мастер спорта по боксу в прошлом, журналист с именем, окончил Ленинградское училище, служил в ГДР в спецподразделении ГРУ, год провел в Мозамбике.

– Корреспондентом?

– Нет, был мобилизован и служил в спецназе.

– А в чем заключается странность обстоятельств?

– Дело в том, что Ельцов, по нашим агентурным данным, достаточно близко подошел к подлинной истории ограбления ереванского банка. Написал статью. Утром, перед началом работы, зашел позавтракать в шашлычную на бульваре у Пушкинской площади. Сделал заказ. Начал есть. За стол к нему сел человек, который внезапно ударился об стол лицом. Тут же подоспела милиция, его отвезли в 17-е отделение, и люди из МВД...

– Почему из МВД?

– Потому что они его задерживали и оформляли. Короче, он получил два года. При аресте у него был изъят текст статьи.

– Интересно, – Андропов постучал пальцами по столу, – очень интересно.

– В зоне на Ельцова дважды покушались уголовники. Но его спасло смешное обстоятельство. В лагерь этапировали рецидивиста Петракова по кличке Петро, одного из самых крупных уголовных авторитетов. Когда-то Ельцов спас его.

– Прямо роман в духе Дюма, – усмехнулся Андропов.

– Скорее, это сочинение Эжена Сю.

– Кстати, Ельцов не был связан с диссидентами? – Глаза председателя стали жесткими.

– По агентурным данным Пятого управления, к нему подкатывались два человека, но Ельцов их послал подальше.

– Молодец! – Лицо Андропова просветлело. – Из какой он семьи?

– Родители погибли в авиационной катастрофе. Жена, вернее, бывшая жена развелась с ним сразу после приговора суда.

– Я спросил вас, из какой он семьи.

– Виноват, Юрий Владимирович. Отец Ельцова – полковник, военный инженер, мать – театральная художница. Они погибли, когда Ельцов учился в седьмом классе, его воспитывал дядя, сотрудник уголовного розыска, сейчас он – полковник в отставке.

– Семья хорошая. Кто его жена?

– Она окончила институт, работает в НИИ Внешторга. Отец – Патолин Павел Николаевич, замминистра внешней торговли.

– Значит, развелась, опасаясь за карьеру отца?

– Нет, у них уже давно были натянутые отношения.

– Когда Ельцов возвращается?

– В мае.

– Где он отбывает срок?

– В Карелии.

– Думаю, вы знаете, как его использовать?

– Так точно.

– Но мы слишком увлеклись этим журналистом, давайте перейдем к делу.

После отъезда Михеева Андропов поднялся в кабинет, сел за стол и еще раз внимательно прочитал справку. Она понравилась председателю, люди Михеева все делали правильно. В активной разработке находились почти все столпы московской торговли, темные дельцы, связанные с Трегубовым, а через него с самим Гришиным. Особое внимание уделялось семье Щелокова и его окружению. План предстоящих опермероприятий напоминал разработку для авантюрного романа. В документе фигурировали миллионные суммы, килограммы золотого песка, раритетные ювелирные изделия, необработанные алмазы. В справке были закодированные фамилии генсека, Суслова и других членов Политбюро.

Михеев сделал очень много. Андропов не зря доверял ему. Именно тогда, еще подполковнику Михееву, он поручил опеку над старшим сыном от первого брака Владимиром, ставшим уголовником. Михеев вытащил его из тюрьмы, пристроил на работу в городе Бельцы и всячески заботился о нем. Организовал его лечение от цирроза печени. Именно Михеев похоронил его старшего сына. Поэтому председателя КГБ и заинтересовала история с арестованным журналистом. В ней он проследил параллель с судьбой Владимира. Мысли о покойном сыне, о том, что он, отец, будучи на вершинах власти, практически предал его, болью отозвались в сердце.

Андропов спрятал документ в сейф, лег на диван, прислушиваясь к боли, которая, словно живая, зашевелилась в нем.

Михеев приехал на Лубянку, вызвал полковника Барина.

– Виктор Антонович, что у нас по Ельцову?

– Пока ничего, сидит, – усмехнулся Барин.

– Что значит – ничего?

– Источник, сориентированный оперчастью учреждения, имел с ним несколько контактов. Источник сообщил, что Ельцов, вернувшись, собирается вплотную заняться людьми, посадившими его, и что у него для этого есть определенные возможности.

– Он сказал какие?

– Нет.

– Разработайте план опермероприятий, связанных с Ельцовым. Нужно, чтобы мы направляли его ненависть. И не только направляли, но и активно помогали ему. Мы должны по-умному использовать его втемную.

Карельская АССР. ИТК-14. Май 1982 года

– А вещи твои где, Ельцов? – осклабился прапорщик на вахте. – Ходка первая?

– Первая, прапорщик. – Юрий сказал это без привычного слова «гражданин» и разрешенного уже шесть часов назад обращения

«товарищ».

– Значит, в приметы веришь. Ничего с кичи на волю не берешь. Ну, давай, счастливо тебе.

Зажужжал электропривод, и дверь открылась.

«Выходи с левой ноги», – прозвучал в памяти совет соседа по шконке. Ельцов немного замешкался на пороге и сделал первый шаг на волю с левой ноги. За спиной лязгнула запертая дверь. Какого она цвета? Новая или старая? Свежеокрашенная или облезшая?

Он никогда этого не узнает. Пахан на зоне, Петро, прощаясь, сказал ему:

– Ты, Юрок, как на волю ступишь, иди не оглядываясь до первого угла.

– А если угла не будет?

– Все равно не оглядывайся. По первой ходке это самая надежная примета. Оглянешься – считай, снова попал на кичу.

И он пошел.

Первый шаг!

Второй!

Третий!

Ельцов быстро шагал по утрамбованной ногами эков и колесами автозаков дороге. Вдали зеленел лес, правее отсюда было видно озеро, а на его берегу поселок. Там его должны ждать.

Господи! Какое солнце теплое. И яркое. И синь над головой, и кучки облаков. Он же видел это вчера, и позавчера, и год назад. Но почему-то из зоны небо казалось маленьким, как лоскут, а солнце было похоже на желтое пятно на нем.

Даже воздух за колючей проволокой совсем другой, пряный и пьянящий.

Два года. От звонка до звонка.

Урки на зоне смеялись: «Такой срок на параше просидеть можно».

И удивлялись, как с двести шестой и таким малым сроком его отправили на усиленный режим, хотя с такой статьей люди обычно

попадали на «химию».

Два года честно отработал на пилораме, вкалывал по три смены, как все «мужики», и, получив расчет в финчасти, вышел за зону, имея в кармане сорок четыре рубля.

Вещи его, конечно, пропали, и шел он по дороге в синей арестантской робе и тяжелых казенных ботинках. Волосы немного отросли, и он был похож на солдата-новобранца. Ельцов шел быстро, но усталости не чувствовал. Ему хотелось как можно скорее уйти подальше от ИТК. По случаю воскресного дня дорога была пустынной. Колония выполнила план первого квартала, поэтому в мае были разрешены выходные дни.

Поселок показался внезапно. Дорога, поля и сразу же вросшие в землю деревянные дома со ставнями и наличниками на окнах. Улица была продолжением дороги, но все-таки это была улица, с деревянными, пружинящими под ногами тротуарами.

Недовольно залаяла собака за забором. Звонко закричал пацан:

– Зэк идет! Зэк идет!

Распахнулась калитка, появился здоровенный мужик лет сорока в рваной тельняшке и потерявших цвет брюках, заправленных в рыбацкие сапоги.

Он достал из кармана пачку «Памира», прикурил и спросил:

– Откинулся, что ли?

– Откинулся.

– На станцию?

– Вроде того.

– Закуришь? – Мужик протянул ему мятую пачку.

– Спасибо! – Юрий прикурил, глубоко затянулся.

– Вот что, парень, – рыбак, прищурившись, посмотрел на Ельцова, – вот что я тебе скажу по душе. Ты, как на станцию придешь, буфет обходи. Там всегда кто-то из ваших, откинувшихся, кантуется. Не пей, если обратно попасть не хочешь.

– Спасибо. Я обратно очень не хочу.

– Ну и ладно. Счастливо.

Мужик повернулся и исчез в калитке.

А Ельцов пошел дальше по дощатому пружинящему тротуару, мимо крепких бревенчатых домов, мимо старух, сидящих на покосившихся лавочках, мимо белобрысых пацанов, гоняющих мяч. Он, в своей лагерной робе, шел по этой мирной улице. И люди смотрели на него с жадным любопытством, потому что он пришел к ним из другого – неведомого и опасного – мира.

Вот первый угол. Здесь он должен свернуть с улицы под названием 2-я Озерная. Он свернул. Прочитал на заборе название – Индустриальная и увидел серые «жигули». Рядом с машиной стоял Миша Селиванов, начальник УГРО Петрозаводска.

– Юрий Петрович, – он пошел ему навстречу, – я Селиванов. Узнаете?

– Конечно, узнаю. Здравствуйте, Миша.

Его встречал ученик и друг его дядьки Игоря Дмитриевича.

– Ну ты, Юра, – засмеялся Селиванов, – даешь. Не боялся в этой робе идти?

– Да нет, привык к ней.

– Значит, так. Едем к местному начальнику розыска. Там поедим, помоешься, переоденешься, и рванем в Петрозаводск. Игорь Дмитриевич прислал вещи и деньги. Я взял билет на восемнадцать тридцать.

– А как же с проездным требованием?

– Отдашь мне, мы по нему какого-нибудь бедолагу отправим. Как на воле?

– Не понял, Миша. Не понял.

Скорый поезд Мурманск – Москва. Ночь

И голос он услышал. Словно крикнул кто-то совсем рядом:

– Не верь!

– Не бойся!

– Не проси!

Ельцов проснулся, не понимая, где он.

Темнота была зловещей и пугающей. Стучали колеса. Неужели опять этап?

Нет. Он сидел на мягко пружинящей койке вагона «СВ». Тонко-тонко, как шар на новогодней елке, звенела ложка в стакане. Темнота пахла хорошим табаком. Все. Не будет этапов, шконок, построений и шмонов. Два года осталось позади. Вагон стучал на стыках, уносил его от вахт, колючки, предзонников, штрафных изоляторов, покачивался на скорости, поскрипывал, звенела ложка в стакане. А колеса напоминали ему грохотом своим:

- Не верь!
- Не бойся!
- Не проси!

Он вытер ладонью мокрый лоб, дотянулся до столика и включил лампу. Маленькую, под медь, с зеленым матерчатым абажуром. Купе залилось мягким светом. Вагон был старый. Мало таких осталось. Раньше они назывались международными. Одна койка-кровать, столик, кресло рядом с ним. Хорошо вычищенные медные ручки, дверь в туалет с матовыми витражами.

Раньше люди больше ценили комфорт. Когда-то Ельцов в международном вагоне ехал во Владивосток. Такая задумка была у главного редактора. Проехать через всю страну и написать репортаж в праздничный номер.

Поезд был сюжетной нитью, объединяющей встречи с разными людьми. Хороший тогда получился материал. Лирический, спокойный, без излишнего пафоса.

Юрий взял со столика пачку сигарет. Закурил. Господи, какое удовольствие курить хороший табак! «Союз-Аполлон», сигареты, сделанные вместе с легендарной фирмой «Филип Моррис», неповторимый вкус соусированного табака. Два года он не чувствовал его. Вместе с деньгами и вещами дядька прислал четыре пачки.

Ельцов докурил, погасил лампу. Он не любил курить в темноте, почему-то не получал от этого удовольствия. Раздвинул шторы

на окне. За стеклом клубилась ночь, густая и синяя до черноты.

Ночь – доброе время. Темнота ее укрывает человека, приносит покой.

На улице затихают шаги. Молчит телефон.

Ночь принадлежит тебе.

И его история началась ночью.

...Зазвонил телефон. Ворвался в сон, разрезал его, заставил одурело подскочить на кровати.

– Ну что такое, – зло сказала жена, – трубку возьми, какая гадина звонит в такое время?

Он босиком прошлепал по ковру, снял трубку:

– Слушаю.

– Ты, Юрок?

– Ну, я.

– Это Мишка.

– Какой Мишка?

– Николаев.

Господи! Откуда он взялся среди ночи, бывший сосед по дому, бывший одноклассник, бывший соперник на ринге?

Он исчез из жизни Ельцова, но тот знал, что стал Мишка авторитетным вором.

– Тебе чего, Мишка?

– Дело есть. Разговор важный. С тобой как с журналистом.

– Не мог до утра дотерпеть?

– Не мог. Утром меня, может, и в живых не будет.

– Ты где?

– Буду тебя ждать на том месте, где мы с ребятами Кабана дрались.

– Понял, еду.

Юрий начал одеваться. Жена зажгла свет, села на постели:

– Очередная шлюха?

– Ты что, с ума съехала?

– Да нет. – Жена встала.

Она спала голая и демонстрировала ему свою прекрасную фигуру, с тонкой талией, плоским животом, чуть тяжелыми бедрами и твердой, словно мраморной, грудью.

«Красивая баба», – подумал Ельцов.

– И когда тебя ждать? – усмехнулась жена.

– Я скоро. Мне должны передать важный материал.

– Прямо как в американском кино. Журналист встречается ночью с таинственным источником информации.

– Перестань, Лена.

– А мне, собственно, наплевать на все это. Хочешь – можешь вообще переехать к любой своей побрядушке.

Они были женаты уже два года, но за последнее время их отношения стали катастрофически разрушаться. И не потому, что они были очень разными людьми. Наоборот, у них оказалось слишком много общего.

Видимо, таким, как они, надо было остаться любовниками, страстными и веселыми. Совместная жизнь тяготила их. И более того, именно за эти два года Ельцов начал замечать за собой поступки, ранее ему не свойственные.

Они прекрасно чувствовали себя на людях. В ресторанах, на премьерах, в многочисленных московских «салонах». Очень часто принимали у себя дома.

Ельцов зарабатывал хорошо. Кроме того, за год в Мозамбике он получил весьма приличную сумму в чеках. Все это делало их жизнь праздной и веселой. Ленин папа, замминистра Внешторга, не забывал ни дочери, ни зятя. Лена постоянно моталась за границу с правительственными делегациями, а Юре удалось с помощью тестя дважды побывать в Париже и один раз на кинофестивале в Каннах.

Все у них было. Две машины: «Волга» у него и «жигули» у Лены. Хорошая трехкомнатная квартира, которая досталась ему после смерти родителей. Дача тестя в Жуковке. Жили они элитарной московской жизнью, и компания у них была соответствующая положению.

Юрий много и хорошо печатался, делал сценарии документальных фильмов, выпустил пару книг своих очерков. Имя его было на слуху. В газете у него нашелся свой читатель. С ним вели переговоры разные издания, предлагали переход на более престижную работу. Но Юрия пока устраивала его газета, с огромным тиражом и хорошим коллективом. И должность устраивала – обозреватель. Она имела вес и всякие номенклатурные припарки: Четвертое медицинское управление, разгонную машину и даже так называемую кормушку. Правда, усеченную, не полную, но все равно это ставило его в разряд людей власти.

Надо сказать сразу: Юрий Ельцов получил все это сам, без помощи сановного тестя, еще до женитьбы на Лене. Получил, видимо, в качестве награды за то, что однажды ему позвонили по телефону и попросили приехать для разговора в маленький особнячок в Потаповском переулке. Обычный такой московский особнячок, с облупившимся фасадом, с потертой обивкой на входных дверях. Там с ним говорили два серьезных мужика в штатском. Они сделали ему предложение, и он сразу же согласился. Видимо, вспомнил рекламу в американском журнале: «Хотите увидеть мир – поступайте в морскую пехоту США».

Потом три месяца тренировочного лагеря под Ташкентом. Жара и песок на зубах. А потом Мозамбик. Работа была не мед. Война – она и есть война. Ровно год и четыре месяца пробыл он в Африке. Конечно, заработал здорово. Но по сей день он видел во сне мягкие сумерки в джунглях, слышал тревожный крик неведомых птиц, звенящие очереди автоматов «томпсон».

Он часто потом вспоминал, как стремительно надвигалась пугающая ночь, как шумел океан, враждебные ночные улицы Мапуту, потную ярость рукопашной схватки на аэродроме.

Домой Юрий вернулся с орденом Красной Звезды и ножевой отметиной на боку. Вот тогда и начала раскручиваться его журналистская карьера. Он стал своим. В банде главенствуют люди,

повязанные кровью. Он был повязан бóльшим – государственной тайной.

Зачем он туда поехал? Неужели только за деньгами? На эти вопросы он пытался ответить, но ответы были легковесны и фальшивы. Много позже, в лагере, отбросив ненужную романтическую шелуху и отделив правду от патриотической риторики, Юрий понял, что поехал подставлять лоб за интересы Старой площади только ради денег.

Но в тот вечер, когда ему позвонил Мишка Николаев, он еще не думал об этом. Он был полон радостью успеха, полон своим благополучием.

С ребятами Кабана они дрались в проходном дворе дома 3 по Большому Кондратьевскому. Юрий оставил машину на другой стороне улицы и вошел в арку. Глаза попривыкли к темноте, и на лавочке у палисадника он увидел человека.

– Ты, Миша?

– Я, Юрик, я. Давай садись. Закуривай.

Огонек спички вырвал из темноты такое знакомое и одновременно чужое лицо человека, с которым он когда-то играл в песочнице во дворе.

– Юрок, дело у меня хреновое. Мусора всей страны меня ищут, прямо с ног сбились. Влип я в страшную историю.

– Тебе деньги нужны? – спросил Ельцов.

– Не держи меня за фраера, Юрик, с фанерой все в порядке. У меня другое дело. Меня убить хотят. Уже дважды урки ссученные на ножи поставить хотели, да только я отбился и ушел.

– Слушай, Мишка, мне твоя сестра говорила, что ты на Севере дальнем отдыхаешь.

– Это точно. На Севере дальнем стоит одиноко. Особенно утром, со сна.

– Сам придумал?

– Нет, фольклор. Музыка народная, слова КГБ.

– Подожди, Миша, – Юрий бросил сигарету, растер подошвой алую точку, – подожди. Чем я могу тебе помочь? Ты бежал?

– Да я сам ничего понять не могу. Никуда я не бежал. За мной приехали. Объяву сделали, что на этап меня гонят, а привезли в Салехард. Там в каком-то хитром доме вымыли, переодели, накормили и отправили в Ереван...

– Подожди, – встрепенулся Ельцов, – у меня в машине магнитофон «Репортер». Наговаривай на него всю историю с мельчайшими подробностями.

Они проговорили до рассвета. Ельцов сменил несколько катушек. История, рассказанная Мишкой, была настолько неправдоподобна и фантастична, что никак не укладывалась в голове.

Когда они прощались, Мишка сказал:

– Юрик, в этом пакете десять тысяч, отдай их моим, а в конверте письмо, я написал подробно все, что наговорил на твою машинку. Бумага эта для твоего дяди Игоря Дмитриевича, там же хитрая книжечка лежит, та самая, что я из сейфа забрал. Ты со мной не пытайся связаться, не надо, а на Игоря Дмитриевича я выход всегда найду.

Мишка поднялся, потянулся хрустко. Стремительно согнулся, положив ладони на землю. Хитро посмотрел на Ельцова.

– Можем еще, – хлопнул товарища по плечу и исчез.

А Юра остался один в проходном дворе странной формы, отгороженном от улицы стенами ветхих двухэтажных домов.

Пришел рассвет на улицы его детства. Настоящий московский рассвет, наполненный специфической музыкой. Это солировал первый трамвай, побежавший по Большой Грузинской, ему вторила мусороуборочная машина в Большом Кондратьевском, тихо подпевало шинами загулявшее такси в соседнем проходняке. Новое утро надвигалось стремительно и весело. Оно было свежим и ярким.

До чего приятно на рассвете войти во двор своего детства! Во двор дома 26 по Грузинскому Валу. Конечно, он стал другим. То, что раньше именовалось «задним двором», теперь стало вроде

фасада. Даже пузатые конструкции лифта появились на построенной еще в тридцатых годах красной пятиэтажке.

Сюда, в первый подъезд на третий этаж в квартиру 143, приехал из родильного дома Юрий Петрович Ельцов. Здесь он прожил все детство. В двухкомнатной квартире с балконом. В большой комнате – папа, мама и он, а в маленькой – дядя Игорь. Веселый, элегантный московский сыщик. И не просто обычный мент. Знаменит его дядя был в определенных кругах.

Несколько лет при Никите Хрущеве возглавлял он МУР, но не поделил что-то с новым секретарем МГК КПСС и был послан на повышение – заместителем министра внутренних дел в Киргизию. Если бы местные ханы и баи знали, чем это кончится, двумя руками отбивались бы от полковника Игоря Ельцова.

Там и случилась эта история. Верховный суд СССР вернул на доследование расстрельное дело инженера Акаева. История была в республике известная. Инженера обвиняли в двойном убийстве.

Полковник Ельцов поехал в тюрьму, где в камере смертников сидел человек, потерявший надежду сохранить жизнь. Потом он часто виделся с ним, так как начал новую разработку дела об убийстве. Местная власть отнеслась к этому с пониманием и снисходительно. Они были спокойны: делом занимается не просто отвязный опер, а человек солидный, клановый, замминистра.

Полковник Ельцов быстро поднял это дело, и, когда вышел на подлинного виновника – сына председателя Совмина, – начался «басмачфильм». В него стреляли, пытались оставить в кабинете и дома взятку, вскрывали служебный сейф в поисках документов. Но не нашли ничего. Документы эти полковник держал открыто на столе среди прочитанных газет и старых отчетов. Никто не мог и подумать, что вожделенные бумаги лежат прямо на самом видном месте.

Полковник Ельцов довел дело до конца. Инженера Акаева освободили, а сын предсовмина попал в психушку. Но, как часто

бывает, одно дело потянуло за собой еще несколько, здесь были и наркотики, и сапфиры, и приисковое золото.

Местная партийная власть не могла нарадоваться успехам нового замминистра, здоровье его берегла. И на очередной медкомиссии его уволили из органов по состоянию здоровья. Нет, не уволили – проводили. С почетом, подарками, адресами, грамотами в сафьяне, и даже орден Трудового Красного Знамени не пожалели.

Поезжай себе в Москву, чужой человек. Не понял ты хорошего отношения, не захотел стать баем. Богатым и уважаемым стать не захотел.

И получил полковник Ельцов положенную пенсию. Хорошую, он же генеральскую должность занимал. И вернулся он в пятьдесят пять лет домой в двухкомнатную квартиру. Конечно, его не забыли друзья. Предлагали самые разные должности в «народном хозяйстве». Даже на сладкое место сосватали – в начальники отдела кадров Московского треста ресторанов. Но дядька отказался от столь заманчивых перспектив. Он решил пожить свободно, а там посмотреть.

К дяде Игорю и шел Юрий Ельцов. Только он мог разобраться в этой невероятной истории. Дядька открыл дверь. Был он в спортивных трусах, подтянутый, накачанный, с красивым рельефом мышц. Каждому таким бы быть в пятьдесят семь лет.

– Заходи, Юрик. – Дядька ничуть не удивился столь раннему визиту. – С мадам поругался?

– Да нет, дядя, у меня к тебе дело.

– Тогда подожди, пока я зарядку закончу, а пока сообрази кофе, тостики и яичницу.

Юра пошел на кухню и увидел, что в углу, рядом с окном в ванную комнату, стоит отключенный пузатый газовый счетчик. Зачем его сохранил дядька – неведомо. Видимо, решил сделать кухню в стиле ретро.

Они позавтракали, и Юра включил магнитофон. Дядя Игорь слушал сбивающийся Мишкин голос, потом прочел его письмо.

Перелистал записную книжку Абалова.

– Ты хочешь об этом написать? – Игорь Дмитриевич взял сигарету, но так и не прикурил ее.

– Очень хочу.

– А ты знаешь, с кем тебе придется бороться?

– Приблизительно.

– Такие вещи надо знать точно. Эти люди могут одним телефонным звонком разрушить все, чего ты добился в жизни. Прежде чем начинать с ними борьбу, ты должен точно уяснить для себя, готов ли ты все потерять.

– Я не знаю, дядя Игорь.

– Тогда думай. Серьезно и долго.

– А что ты посоветуешь?

– Ты помнишь, как эта мразь выкинула меня в отставку?

– Конечно.

– Я не жаловался и не просился обратно. Но один паренек из административного отдела ЦК в приватной беседе дал мне понять, что я еще легко отделался.

– Так как мне быть?

– Забыть. Отдать деньги Мишкиной сестре, а пленки, письмо и книжку уничтожить.

– Ты серьезно?

– Да. – Игорь Дмитриевич наконец заметил незажженную сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся.

– А что бы сделал ты?

– Не сравнивай меня с собой. У меня, как у отставного ландскнехта, всего имущества – ржавая шпага да хромой конь на конюшне. Мне нечего терять. Я с точки зрения официальной уже все потерял.

– А почему ты думаешь, дядя Игорь, что мне придется что-то терять? Я же хочу добиться правды.

– Слушай, Юра. Мы с тобой сегодня говорим как взрослые люди или как пацаны на комсомольском собрании? Я говорю тебе прямо:

ты многого добился в этой жизни. Сам. У тебя есть имя, очень хорошее положение. Я рад за тебя и не хочу, чтобы ты лишился всего.

– Но ведь и ты, дядя Игорь...

– Не сравнивай. Я выполнял свой долг. Я боролся с киргизской мафией.

– Прямо-таки мафией?

– Смейся, иронизируй, называй этих людей иначе. Но в деле Мишки Николаева чувствуется тот же почерк, та же твердая рука, что и в деле инженера Акаева. Давай разберемся: если верить Мишке, его освободили совершенно официально и передали некоему Ястребу. Ястреб, исходя из записанных тобой Мишкиных показаний, человек, решающий достаточно сложные вопросы. Мишка утверждает, что он из авторитетных блатных, а за ним стоят люди из высших государственных сфер. Это тебя не удивляет?

– Дядя, дядя, – Юра встал, сделал несколько шагов по кухне, – это же сенсация. Представляешь, какой можно напечатать материал?

– Представляю. Значит, ты решил бороться с партией?

– Нет, дядя Игорь, я не собираюсь бороться с партией. Я хочу бороться за соблюдение ленинских норм.

– А что ты о них знаешь? – усмехнулся печально Ельцов-старший. – Ничего ты о них не знаешь. И слава богу.

– Что ты хочешь сказать?

– А ничего. Как начнешь копать это дело, тебе сразу напомнят про ленинские нормы.

– Так что же мне делать?

– Думать. Не дергаться и рыть материал. Скрупулезно и с опаской, а главное, молчать об этом. Оставь мне Мишкино письмо и книжечку эту, я по своим каналам кое-что узнаю.

...А ночь уходила. Поезд летел к новому утру, оставляя на вагонах комки клокастой темноты. Юрий так и не заснул больше, он курил сигарету за сигаретой и вспоминал утро, с которого все началось.

Не позвони ему Мишка или послушай он жену и останься дома, жизнь его сложилась бы иначе.

Но что вспоминать об этом. Он сам выбрал свою судьбу.

А Москва надвигалась. Он чувствовал это, словно излучение необыкновенной силы несло навстречу поезду. Когда за окном замелькали нелепые дома подмосковного города, он пошел бриться. Нельзя было приезжать домой не в форме. Он с наслаждением выдавил на лицо мыльный крем, взбил помазком душистую пену. Как бесшумно и ласково идет по щекам жилеттовский нож! Как упоительно пузырится и лопается на щеках невесомая пена! Все учел дядя Игорь. Все. Даже американский одеколон «Арамис» передал. Любимый Юрин одеколон, который в Москве можно было купить только по талонам или в «Березке» за чеки.

Проводник постучал в дверь, открыл. В купе стоял запах одеколona и хорошего табака. Да и пассажир был видный, одетый в кожаную куртку и красивые брюки.

– Билет нужен?

– Нет, спасибо.

– А чайку?

– Спасибо, выпью.

– А может быть, кофе?

– Несите кофе.

А за окном проносились дачные поселки. Дома в свежей клейкой весенней листве. Это были ближние подступы к Москве. Дальше начинался город. Вагоны изогнулись на повороте, и он увидел свой город в солнечном, почти библейском мареве.

Все. Он приехал.

Побежали мимо окон последние платформы, по раннему времени практически пустые, поплыли закопченные пакгаузы. Репродуктор в купе грянул марш, и диктор объявил: «Товарищи пассажиры, наш поезд прибывает в город-герой, столицу нашей Родины, Москву».

Та жизнь кончилась. Начинается новая, неведомая, с чистого листа.

Москва. Май 1982 года

Он стоял на площади Ленинградского вокзала и курил. Первая сигарета в родном городе. Конечно, все произошло совсем не так, как он думал, ворочаясь ночами на лагерной шконке. Почему-то не охватило его чувство всепоглощающей радости, которое он испытал в поезде, ушло оно, растворилось. Сколько он рассказов слышал от людей, вернувшихся в Москву от «хозяина», и все почему-то говорили о радости, которая охватывала их на вокзальной площади. А он не испытывал этого чувства. Стоял, курил, словно ожидая, что это ощущение встретит его у входа в вокзал, как любимая девушка с цветами.

Нет. Приехал и приехал...

Он вышел из метро, пересек Грузинский Вал, вошел во двор своего детства. И только там у него в первый раз дрогнуло сердце.

Господи! Ничего не изменилось. Тот же Ленин посередине сквера. Уже переругиваются молоденькие мамы с колясочками и небритые, в живописных нарядах собачники.

Была еще одна лагерная примета, очень точная: какого знакомого первого встретишь, так жизнь на воле и сложится. Не повезло Ельцову. Встретил он первым Витьку Старухина. Тот выгуливал элегантного коричневого пуделя, который совершенно не гармонировал с его выношенным до нитяного блеска старым спортивным костюмом.

– Это ты, Еля? – Старухин назвал его школьной кличкой.

– Как видишь.

– Стриженный... – Витька полез в задний карман, достал пачку «Примы». – Значит, тока-тока из тюрьги.

– Именно.

– Ну что, – в голосе Витьки послышались ликующие нотки, – высоко забрался ты, прежде чем в говно упасть. Теперь ты в нем

повалешься. Не всё на «Волгах» кататься. Говорили, что жена тебя послала?

Откуда-то, из недалекого вчера, накатила мутная волна злобы. Еле руку сдержал Юрий и ответил по-лагерному:

– Ты кончил?

– Кончил, – ухмыльнулся Старухин.

– Тогда пойдя подмойся.

Сказал, словно в харю его небритую плюнул, и пошел по аллейке. Только радость окончательно ушла. Совсем. Напрочь.

Гулко простучали каблуки под аркой. Знакомый звук. Когда-то он любил нарочно шумно прошагать здесь. А вот и его двор. Ткнулся в подъезд, а дверь заперта. Теперь вход с другой стороны.

Видимо, в свое прошлое надо возвращаться с хорошим настроением. Тогда воспоминания становятся светлыми и добрыми. Испортил ему встречу с молодостью гад Старухин, а когда-то на одной парте сидели.

Юрий не уезжал из этого дома. Не собирал вещи, не связывал книги. Отсюда он уехал в военное училище, а в отпуск приехал в новую трехкомнатную квартиру на улице Горького. В старой квартире остался дядя Игорь. Покойная мама любила говорить: «Наконец Игорек устроит свою жизнь», намекая на то, что дядька, оставшись один, немедленно женится на достойной женщине.

Но не таков был Игорь Дмитриевич. Славился он по Москве как ходок, весельчак и гуляка. Так он и не устроил своего счастья. А после гибели родителей Юрия перенес на любимого племянника всю свою любовь.

И вот через двадцать с лишним лет возвращается Юрий Ельцов в дом, где родился. Потому что нет у него другого. Пока он заготавливал древесину в пленительной Карелии, любимая жена выписала его из родительской квартиры, обменяла ее с доплатой на четырехкомнатную и проживает там с новым замечательным мужиком.

Вот что значит всего два года побыть «у хозяина». А в подъезде все-таки не сохранился запах его детства. Тогда благоухало жареной картошкой.

Медленно поднялся он на третий этаж и остановился у двери с табличкой «143». Дядька так и не сменил звонок. Старый, заслуженный, как вечевой колокол в Великом Новгороде, красовался на двери медный кружок, ручка и надпись для дураков того далекого времени: «Прошу повернуть».

И он повернул ручку.

Утром полковник Баринов встречался с агентом на конспиративной квартире на Сретенке. Агент сам позвонил ему домой и дал понять, что располагает срочной информацией. Договорились встретиться в восемь утра. Баринов приехал на полчаса раньше, приготовил кофе, сделал бутерброды с сыром. Когда пили кофе и проговаривали, как писать донесение, Баринов понял, насколько важными сведениями располагает этот человек. Агент работал с Бариновым давно, зарекомендовал себя с лучшей стороны, имел обширные связи в верхушке московской торговли, и не только там. Служил он в Министерстве торговли на должности хоть и не руководящей, но и не рядовой. Имел отдельный кабинет и секретаршу, что придавало его положению необходимую солидность. Связи по линии дефицита делали его весьма нужным. И многие к нему обращались. Он помогал по мере сил, вернее, по указаниям курирующего офицера. В КГБ тщательно проверяли просителя в качестве потенциального источника информации и только тогда давали добро.

На счету агента было несколько блестящих разработок, а за трикотажное дело его наградили орденом «Знак Почета», который лежал в сейфе у Баринова.

На этот раз агент сообщил о связях директора Елисеевского гастронома Соколова. Донесение выводило чекистов на новые перспективные разработки.

После кофе Баринов передал агенту его жалование – сто восемьдесят рублей, получил расписку и тепло попрощался с ним.

Он еще раз прочел донесение. Что и говорить, агент был бесценный. Он даже указал на тех, кого можно завербовать из окружения Соколова.

Баринов приготовил еще чашку кофе, медленно выпил, закурил «Мальборо» – подарок агента. Конечно, нарушение. Нельзя ничего брать у верных помощников. Но хорошие сигареты были слабостью полковника.

Он стремительно прибрался, вымыл посуду и спустился к машине. Его «жигули» первой модели сверкали вымытыми боками.

В хорошем настроении поднялся к себе в кабинет. Нужно было идти к Михееву. В коридоре его догнал майор Рудин.

– Виктор Антонович, я к вам.

– В чем дело, Сережа?

– Объект прибыл.

– Кто?

– Ельцов.

– Когда?

– Сегодня утром.

– Вот это интересно. Пошли к генералу.

Дежурный в приемной начальника управления пропустил их в кабинет сразу же. Михеев сидел на диване и пил чай.

– Ну что у вас, ребята?

– Во-первых, очень интересное донесение по связям Соколова.

– Когда поступило?

– Сегодня в восемь утра.

– Источник?

– Сомов.

– Это, а что во-вторых?

– Ельцов прибыл.

– Тоже неплохо. – Генерал поставил чашку на журнальный столик, встал. – Что касается Ельцова... – Михеев задумался, – вернее, этой странной истории с ереванским банком... Да вы садитесь, товарищи, садитесь, можете курить.

Баринов сел, достал пачку «Мальборо», с усмешкой посмотрел на генерала.

– Давай, Виктор, сигарету хорошую, – засмеялся Михеев, – знал бы раньше, сам бы взял на связь Сомова.

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, Борис Николаевич.

– Это точно. Так вот, друзья мои, какая у нас получается странная картина. 10 ноября 1973 года МВД посылает в административный отдел ЦК на имя Савинкина писулю. В ней ясно говорится, что Михаил Гаврилович Николаев, он же Махаон, скончался на зоне в Лабытнанги в сентябре 1978 года. Через год после своей смерти он встречается с Ельцовым. Кстати, давайте закодируем Ельцова, какие есть предложения?

– А что здесь думать, – пыхнул ароматным дымком Баринов, – пусть он будет у нас «ЗК».

– Ну что ж, ЗК так ЗК. Источник в своем донесении сообщил, что ЗК в своем разговоре упоминал некоего Ястреба, раскрутившего его дело. Мы прошлись по кличкам, выявили нескольких человек, но они никакого отношения ни к ереванскому банку, ни к той демонической фигуре, которую упоминал Махаон, не имеют. Теперь о Махаоне. Он исчез. Растаял. Его ищет весь КГБ. И ничего.

– Возможно, его убрали, как и Жору Ереванского.

Баринов с явным сожалением погасил сигарету.

– Все может быть, но... – Михеев встал, достал из кармана ключи, открыл сейф, вынул из него бумагу. – Вот сообщение о том, что смотрящий на зоне, вор в законе Петраков по кличке Петро, получил от Махаона ксиву о том, чтобы тот берег Ельцова. Я предполагаю, что Махаон залег. Выйти он может только на ЗК. Теперь о самом ограблении. Нам стало известно, что приговоренный к высшей мере теневи́к Абалов – младший брат исчезнувшего

в восемнадцатом году начальника Гатчинской ЧК Бориса Абалова. Уезжая из страны, Карл Фаберже оставил в норвежском посольстве на Мойке чемодан с наиболее дорогими камнями и изделиями. Наш замечательный ювелир надеялся, что ценности эти переправят дипбагажом к нему в Париж. Но Зиновьев зимой восемнадцатого приказал «лечить Питер от золотухи», и чекисты начали трясти посольства...

– Вот время было, – мечтательно сказал Баринов.

– Было, но прошло, – засмеялся Михеев, – так вот, начальник Гатчинской ЧК тряс норвежское посольство и изъяс там чемодан Фаберже. Изъял и уехал с ним в неизвестном направлении. По агентурным каналам нам известно, что у расстрелянного Абалова были редкие ювелирные изделия работы Фаберже, которые так и не нашли при обыске. Директор банка, родственник Абалова, заявил, что сейф этот стоял в хранилище с незапамятных времен, замок считался испорченным и он о его содержимом ничего не знает. Думаю так: гатчинский Абалов сбежал с ценностями и завещал остатки своему младшему брату. А что именно было в похищенном Абаловым чемодане, мы узнали из интервью господина Фаберже газете «Пари суар» от 17 июня 1920 года. Особую ценность представляют бриллианты, сапфиры и изумруды, ограненные лучшими амстердамскими мастерами. Все камни весом от восьми карат. Считаю, что ценности эти похищены по указанию пока неизвестного нам высокопоставленного лица.

– Почему высокопоставленного? – перебил генерала Баринов.

– А кто смог бы освободить Махаона из колонии? Время корнета Савинова прошло. Виктор Антонович, доложите свои соображения.

– Соображение одно: думаю, что ЗК встречался с Махаоном, тем более, как мы установили, они одноклассники, занимались вместе боксом, выступали за одну команду и жили в одном доме. Что любопытно, дядя Ельцова, полковник милиции, арестовывал Махаона, но это не повлияло на их отношения...

Михеев хлопнул ладонью по столу, прерывая Баринова:

– Запомните, Виктор Антонович, полковник Ельцов, бывший начальник МУРа, – один из лучших сыщиков, которых я знал, поэтому вести оперативную игру с его племянником будет весьма сложно. Запомните. Мы должны использовать Ельцова втемную. И мы должны его направлять. Руководить им.

– Борис Николаевич, вы прекрасно знаете: для того чтобы выйти на этих людей, ЗК должен иметь к ним подход. Тогда он был обозревателем ведущей газеты, автором книг и документальных фильмов, зятем замминистра. А сейчас?

– Вот наша задача и создать его заново. Ну и, конечно, он будет находиться под постоянным контролем. Этим займетесь вы, Рудин.

– Есть, товарищ генерал! – Майор вскочил.

– Думайте, ребята, думайте. Где он будет жить?

– Грузинский Вал, дом 26, квартира 143, телефон 251–07–02.

– Это квартира дяди?

– Так точно.

– А где он любил бывать?

– В Доме кино.

– Отлично, там мы к нему сможем подвести кого угодно. Ну, а что касается его социального статуса, не забывайте, что в большинстве учреждений культуры в кадрах сидят наши люди из действующего резерва. У меня все, идите и думайте.

Лена Патолина, бывшая жена Ельцова, вернулась домой около двенадцати. Ей пришлось встать рано, чтобы успеть к Виктору в парикмахерскую на углу Гоголевского бульвара и Сивцева Вражка. К Виктору обычно записывались недели за две, но ее новый друг, всеильный Александр Михайлович, один раз позвонил ему, и мастер начал принимать Лену, когда ей было нужно!

– Вас, Елена Павловна, и Галину Леонидовну Брежневу я принимаю без всякой записи.

Она только вошла в квартиру, как зазвонил телефон.

– Алло. – Лена подняла трубку.

– Ленка, новость отпадная! – услышала она в трубке голос подруги Женьки.

– Ты новую шубу купила?

– Нет, – торжественно заверещала в телефон Женька.

– Новый роман?

– Да мне и старого хватает. Это для тебя новость! Для тебя!

Голос Женьки срывался, так она была переполнена информацией.

– Ну что у тебя, не тяни. Я только из парикмахерской, кофе еще не успела выпить.

– Ну ладно, скажу... Твой Ельцов вернулся. Ты чего замолчала?.. Лен, а Лен? Тебе плохо?

– Мне никак, Женя. Ни плохо, ни хорошо. Только головной боли прибавится. Когда он вернулся?

– Сегодня утром.

– А как ты узнала?

– А мне один хмырь позвонил, он с его дядькой в одном доме живет. Гулял с собачкой, а твой с сумочкой топает к родному дому. Говорит, что выглядит классно.

– Спасибо, Женя, до вечера. Ты в Барвиху едешь?

– А как же.

– Вот там и поговорим.

Женя Губанова повесила трубку, посмотрела на сидящего в одних трусах на кровати мужчину.

– Ну что? – поинтересовался он. – Задергалась?

– Судя по голосу – нет.

– Я Юрку Ельцова хорошо знаю, работал вместе с ним. Он парень крутой. Эта мочалка министерская его из своей жизни выкинула.

– Да уж, – Женька надела халат, – тебе кофе или чай?

– А пива нет?

– Как ты мне надоел, Игорь, ну нельзя же каждый день нажираться.

– Не преувеличивай, Женька, не надо. А зачем мы в пресс-центр поперлись? Ты же меня и потащила.

– Ты алкаш, а я виновата. Будешь так пить – станешь импотентом.

– Ну, до этого надо дожить.

– Ничего, доживешь. Но ты подумай, у Ленки ничего не дрогнуло.

Вот выдержка!

– Сука она, – сказал Игорь, – дело Юрки состряпано от начала и до конца. Помешал кому-то. А она даже передачи ему не посылала. Развелась, и все.

– Развелась! – крикнула из кухни Женька. – Да она же его обокрала.

– Как так?

Игорь натянул брюки, пошел на кухню. На столе стояли две банки финского пива «Свинолобов». Огромный дефицит, недавно появился в Москве.

– Где взяла, подруга?

– Где, где! В Караганде. Вчера у бармена для тебя, алкаша, выпросила.

– Вот за это я тебя и люблю.

– Только за это? – с внезапной грустью спросила Женька.

– Ты же знаешь, малыш. Пойду себя в порядок приведу.

Через полчаса Игорь, принявший душ, выбритый, благоухающий французским одеколоном, вышел к столу.

– Так что ты говорила насчет «обокрала»?

– А ты не знаешь? – Женька отхлебнула кофе.

– Нет.

– Она его выписала, а квартиру немедленно обменяла.

– Значит, парню и вернуться некуда? – ахнул Игорь.

– Это еще не все. У нее доверенность на его книжку была, она все денежки и сдернула. Шмотки его хорошие, которые он из-за бугра навез, фарцанула, а дерьмо всякое дядьке отдала. Добилась решения суда на раздел имущества и «Волгу» его толкнула за пятнадцать штук. А официально оценила ее в семь. Бывшему муженьку три с полтиной – и привет.

– Ты будто радуешься. – Игорь залпом выпил пива.

– А я и не знаю, радуюсь или плачу. Я Ленку со школы знаю, она всегда сукой была. Как она Юрку охомутала, ума не приложу. Мужик как линолеум: если с первого раза правильно уложить, потом всю жизнь можно топтать ногами.

– Значит, ты меня правильно уложила? – Игорь открыл вторую банку пива.

– Это к сильным мужикам относится, – грустно ответила Женька, – к таким, как Юрка; ты слабенький, ты как рис. Чем тебя заправить, таким и будешь. Но я тебя за это и люблю и заправляю острым соусом.

– Ну и на том спасибо. Ты в Барвиху едешь?

– И ты тоже.

– Нет, я к Юрке пойду, мы с ним товарищами были, я ему письма писал.

– А я и не знала, – Женька прищурилась, – тогда я тоже никуда не поеду, а пойду с тобой.

Игорь благодарно посмотрел на нее.

А Лена, положив трубку, пошла варить кофе. Виноватой она себя не чувствовала. Не было ее вины перед бывшим мужем. Она просила, умоляла его не ввязываться в эту поганую историю. Но он ввязался. Не пожалел ни ее репутацию, ни их семью. Правдолюбец хренов.

Для нее бывший муж перестал существовать с той минуты, как только его уволили из газеты. Она выросла в номенклатурной семье, понимала, что обратного хода не будет. У нее уже был горький опыт с первым замужеством. Ее первый муж Виктор был сыном легендарного маршала. Они познакомились на даче у ее друзей. Виктор был капитаном и заканчивал разведфак Академии Генштаба. Он сразу понравился ей. Высокий, интересный, уверенный в себе парень. Была в нем мужская сила и сексуальная притягательность. После гулянки она осталась ночевать на даче, и ночью Виктор пришел к ней.

А через несколько дней Виктору присвоили звание майора, и он устроил банкет на даче в Архангельском. Там она познакомилась с его родителями, которым очень понравилась. Лена выгодно отличалась от всех предыдущих увлечений Виктора. Главное, что она была своя. Ее отец был замминистра.

Через год сыграли свадьбу. Арендовали для нее весь Дом журналиста. На торжество приехал маршал Гречко, который преподнес жениху подполковничьи погоны. Семейная жизнь началась весело и беззаботно. Единственное, что смущало Лену, – постоянные попойки молодого подполковника.

Виктор окончил академию, и их отправили в Софию. Это назначение он получил из-за патологического невосприятия иностранных языков. Он сразу же стал заместителем резидента, работая под крышей торгпредства. В Софии молодые немедленно окунулись в прелести полузаграничной жизни. Лена обзавелась целой кучей знакомых и время проводила неплохо, часто бывала в ресторане театра Ивана Вазова. Это было сборище местной и приезжей богемы. Через год она была уже не рада веселой заграничной жизни. Виктор начал пить мрачно и тяжело. Однажды ее вызвал представитель КГБ, веселый, элегантный генерал, и долго беседовал с ней о муже.

Она пробовала серьезно поговорить с Виктором, но он послал ее армейским матом. Этот язык он усвоил в совершенстве. А через месяц разразился скандал. Оказывается, Виктор проиграл в рулетку в международном отеле крупную сумму казенных денег. Им пришлось покинуть Болгарию в двадцать четыре часа.

Папа-маршал погасил долг и пристроил сына командиром полка в Грузии. Лена не поехала с ним, осталась в Москве и подала на развод.

А через полгода ее бывшего мужа с позором разжаловали в майоры и выгнали из армии. Он ухитрился продать танковый лафет каким-то грузинским дельцам, списав его как упавший в пропасть во время учений.

Больше она его не видела. Знала, что он женился на очень красивой женщине, директоре магазина, и сам пристроился командовать шашлычной в Тарасовке.

С Юрой они познакомились еще в Софии.

Ельцов понравился Лене, высокий, красивый, к тому же известный журналист, но он был человеком не ее круга.

Ее подруги и друзья с известными номенклатурными фамилиями жили в одних дачных поселках, лечились в кремлевской больнице, имели квартиры в престижных домах. Даже если родители теряли свое положение, дети все равно оставались в прежней компании. Это началось еще при Сталине, когда номенклатура решила организовать некое подобие преемственности власти.

Через три года Лена вновь встретила с Юрой, он уже стал обозревателем «Известий», номенклатурой ЦК, получал «полкормушки», был прикреплен к Лечуправлению Кремля. Ему светила прекрасная карьера. Он вполне мог уехать собкором в хорошую страну или быстро подняться по административной лестнице. И было у него еще одно преимущество перед простым чиновником: он писал книги и делал документальные фильмы. А это придавало ему некий богемный шарм. Они поженились, но и второй ее брак кончился ничем. О ней в московских компаниях стали поговаривать как о женщине, приносящей несчастье.

С Александром Михайловичем она сошлась сразу же после ареста Юрия. Он был старше ее, занимал в обществе солидное и твердое положение, правда, никто не знал, чем он конкретно занимается. На все ее вопросы Александр Михайлович отшучивался, прикрывая свои занятия неким флером таинственности. У него был «мерседес» со служебными, весьма крутыми номерами, квартира на Суворовском бульваре, в Доме полярников. Лена знала его прямой телефон и домашний. В доме Александра Михайловича она была лишь однажды, с большой компанией. Квартира почему-то напомнила ей номер в дорогой гостинице: необжитая, и все вещи казались какими-то казенными.

Но это ее мало волновало. Александр Михайлович Шорин вращался в самых высоких кругах Москвы, слыл своим в среде известных писателей и художников. Проводить с ним время было весело и интересно. После ее развода с Ельцовым он помог продать машину, обменять квартиру, въехать в дом на улице Алексея Толстого. Лене было хорошо и спокойно с этим человеком. Он ничего не требовал от нее, кроме постели и совместного веселья, сам же был внимателен и щедр.

Она позвонила Шорину по прямому. Телефон долго не отвечал, потом Александр Михайлович поднял трубку и приглушенной скороговоркой ответил:

– Подождите, я говорю по «кремлевке»...

Лена слышала, как он говорит с каким-то Дмитрием Алексеевичем. В разговоре несколько раз упоминались фамилии Андропова и Тихонова.

Потом в трубке прозвучал переливчатый баритон Шорина:

– Теперь я ваш...

– Саша, ты знаешь, что Ельцов вернулся?

– Ну и что?

– А если он начнет доставать меня с квартирой?

– Не бойся, солнышко, он никого не будет доставать, это я тебе гарантирую.

– А что ты сделаешь?

– Это уж моя забота. Будет шуметь – опять загремит в тюрьму.

– Хорошо бы. А то мне не по себе.

– А чего ты беспокоишься, в Москве его не пропишут, уедет в Ковров или Александров, устроится пожарным...

– А почему пожарным?

– У моих знакомых сын тоже нахулиганил, потом два года на какой-то фабрике за сто первым километром пожарным служил. Не бойся, я с тобой. Вечером едем на шашлык в Барвиху?

– Когда ты заедешь?

– Часиков в пять. Есть возможность сбежать пораньше.

– Жду. Целую.

– Целую, дорогая.

Шорин положил трубку. Ну вот, вернулся боец. В зоне его не удалось обломать, так здесь достанем.

Шорин постучал пальцами по белоснежному аппарату. «Эриксон» – прекрасный телефон, с технической новинкой, кнопкой повторного набора. У него в квартире стояло три таких аппарата с разными номерами. Белый, тот самый «прямой служебный», который давался близким друзьям. Черный предназначался для тех, с кем Шорин прокручивал свои дела. И красный – в «жилой зоне», как смеялся Ястреб, – для всех.

Шорин поднял трубку черного телефона, застучал пальцами по кнопкам.

Занято.

Он положил трубку. Закурил «Кент», вчера взял у Соколова в Елисеевском два ящика. Теперь любимых сигарет хватит надолго. Сделал пару затяжек, поднял телефонную трубку, нажал на кнопку повтора. Аппарат таинственно затрещал, в трубке щелкнуло, и раздался гудок.

– Алло, – пропел Ястреб на том конце провода.

– Это я.

– Привет, начальник.

– Ты знаешь, что твой крестник откинулся?

– Нет. Когда от «хозяина»?

– Видимо, вчера, сегодня уже на хате.

– Есть мысли?

– Нет, Ястреб, мыслей пока нет. Пусть побегает со своим дядей-мусорком по городу. А когда его в зону-сотку отправят, ты его перед отъездом напугаешь. И глаз с него на выселках не спускай, на него Махаон верняком выйдет.

– Понял.

– Он обязательно в Доме кино появится. Пусть твои ребята там шары покатают.

– Зарядить их бабками надо.

– Бабки – не проблема, тебе сегодня пару штук подвезут.

Все понял?

– А чего не понять, Саша, все ясно.

– Тогда действуй.

Шорин положил трубку и пошел в «жилую зону».

Он открыл ключом дверь и оказался в маленькой кладовке, а из нее попал в квартиру. Пошел на кухню, начал готовить кофе.

Заверещал красный телефон. Но Шорин не снял трубку. Солидный человек в это время на работе.

Кофе он готовил без всяких модных рецептов, просто сыпал в турку побольше коричневого порошка, помня старый анекдот: «Евреи, не жалейте заварки». Он пил черный как деготь, крепкий кофе и думал, как по многим телефонам передается новость о возвращении Ельцова.

Опять заверещал красный телефон, и Шорину очень захотелось подойти, снять трубку и поговорить о том, что неплохо бы сбегать в Домжур, попить пива или сгонять на Профсоюзную в маленькое кафе «Гагры», схавать кучмачи. Жить этим майским утром в свое удовольствие.

Иногда он думал, зачем ему столько денег, валюты, камешков. Зачем? Чтобы поить и кормить эту кодлу номенклатурную? Или для того, чтобы Ленку одевать и украшать, как рождественскую елку? Он не любил ее. Конечно, в постели она была весьма хороша. Все умела и, главное, делала самозабвенно. Шорин знал, кто подготовил эту девочку к бурной половой жизни. В девятом классе она безумно влюбилась в известного московского ходока Вадика Бурмистрова. Они жили в одном дачном поселке. Роман их длился без малого года три. Потом красавец Вадик исчез с московского горизонта. Поговаривали, что он крупно проигрался. Попал в замаску к крутому катале, вынес из дома маменькины драгоценности, и папа, «закрытый» академик, сделал все, чтобы сплавить сына из Москвы.

Шорину Лена была нужна, как туфтовый белый телефон. Это придавало ему вес. Дочь замминистра, красавица, умница. Короче, «спортсменка, комсомолка, отличница...». Лена была ему необходима, как белый «мерседес», на котором выезжал в свет. Он знал цену своей любовнице. Не сомневался ни на минуту, что, появившись на его горизонте чуть заметная тучка, и она бросит его, как вышвырнула из своей жизни первого мужа-пьяницу, как разобралась с Ельцовым.

Ох, Ельцов, Ельцов! Не захотел жить, как люди, сейчас был бы уже замом, а то и редактором крупной газеты. Что еще надо, в ЦК уважают, депутатский значок. Не захотел. Теперь он исключенный из партии уголовник. Копать дальше он это дело не будет. Поживет пару годков вдаль, снимет судимость, устроится на периферии в какую-нибудь газетку литсотрудником. С ним покончено... Надо в Столешников ехать. Обещал Шорин дочке самого хозяина земли Советской достать уникальный сапфировый гарнитур.

Позже, значительно позже, Юрий восстановит в памяти во всех мелочах этот весенний день в квартире, где он родился. А пока этот день распадался на куски. И Ельцов никак не мог соединить их. Словно пишешь сценарий документального фильма, в котором все эпизоды отточены и хороши, а общей идеи картины нет.

Он повернул звонок, и дверь открылась сразу. Ждали его за этой дверью, очень ждали. Распахнул ее дорогой дядька Игорь Дмитриевич, а рядом с ним стоял дружок его любимый, кинорежиссер Слава Шатров.

И он шагнул в квартиру, почувствовал знакомый с детства запах этого жилья и понял: он дома.

Сначала сидели за столом на кухне, выпили по первой за освобождение, за возвращение его, за новую жизнь.

– Теперь все. Закусили, выпили немного, нам еще весь день пить предстоит, – сказал дядька.

– А ты думаешь, гости набегут? – усомнился Юра.

– И еще сколько, – засмеялся Шатров, – придут ребята, те, кто тебя не забыл.

– Не побоятся? – с некоторой иронией спросил Юра.

– Тоже мне Солженицын, – засмеялся дядька, – чего бояться-то? А пока нам надо по делу поговорить. Пошли в твою комнату.

Только сейчас рассмотрел ее Юра по-настоящему. Письменный стол, красивый, родительский, полки с книгами, любимые картины с видами Москвы.

– Я твой стол, картины, книги, кресло старое у Лены забрал и сюда перевез. Она не возражала.

– И на том спасибо. – Юра сел в старое деревянное кресло у стола.

Сел, положил ладони на зеленое сукно и окончательно понял, что вернулся.

– Ну, освоился? – Дядька понял его состояние.

– Дома, – улыбнулся Юра.

– Тогда давай по делу поговорим. – Игорь Дмитриевич взял со стола кожаную папку, достал бумаги. – Вот письмо от Союза кинематографистов. – Дядька положил перед ним казенный бланк, наискось перечеркнутый резолюцией: «Нач. 88 о/м. Немедленно прописать, выдать паспорт и доложить лично».

– А кто подписал? – спросил Юра.

– Тезка твой, первый зам и генерал-полковник.

– Вот это да! Как же ты смог, дядя Игорь?

– Смог. Помнят меня еще в родном МВД.

Игорь Дмитриевич не стал говорить племяннику, что бывший его зам, а ныне начальник паспортного управления Москвы заехал к нему и рассказал, что из МВД позвонил помощник министра и категорически распорядился не прописывать Юрия Ельцова в Москве.

– Игорь Дмитриевич, – смущенно покрутил в пальцах сигарету бывший его зам. – Только один выход – идти к Чурбанову. У вас вроде с ним хорошие отношения.

– Хорошие отношения имели место, когда он был старшим лейтенантом.

– Попробуйте. Я вам его прямой телефон дам. Он сам трубку поднимает.

– Где же ты номерок этот достал?

– Товарищ близкий дал. Только вам, Игорь Дмитриевич, лучше ему принести какое-нибудь официальное ходатайство.

– Подумаем, – сказал Ельцов-старший.

Он позвонил Славе Шатрову.

– А что здесь думать, – сказал Шатров, – Юрку из Союза журналистов исключили, а у нас все тихо. Он же вступил в Союз кинематографистов месяца за три до неприятностей, об этом никто не знал. Его членский билет у меня, я за него взносы плачу. Сделаем ходатайство и справку для домоуправления.

Игорь Дмитриевич похвалил себя за оперативность. Как только начальник розыска 88-го отделения позвонил ему и рассказал, что случилось, он понял все. Он поехал не в отделение, а на квартиру Юры, благо ключи у него были, а код охраны он знал. Лена была на работе. Игорь Дмитриевич собрал все бумаги племянника и документы и отвез их к себе. Так что люди, пришедшие в квартиру после него, не нашли там ровным счетом ничего.

Игорь Дмитриевич забрал паспорт, военный билет, членские книжки Союза журналистов и кинематографистов, удостоверение мастера спорта, институтский диплом, все награды племянника и документы к ним. Все, что, по мнению опытного сыщика, может пригодиться. И конечно, архив.

Перед самым освобождением Юры он взял ходатайство Союза кинематографистов на имя замминистра и решился позвонить. Набрал номер, услышал ответ и представился:

– Товарищ генерал-полковник, беспокоит полковник милиции в отставке Ельцов.

Наступила пауза, а потом замминистра ответил весело и добро:

– Приветствую, Игорь Дмитриевич, рад, что позвонил. Какая нужда?

– Поговорить бы, товарищ...

– Да перестань ты с чинами этими, я для тебя раньше Юра был, ну а теперь по чину Юрий Михайлович. Есть у меня два часа, уложишься – приму.

– Буду через двадцать минут, Юрий Михайлович.

– Жду.

Ровно через двадцать минут Игорь Дмитриевич входил в здание МВД на Огарева, 6. У лифта его ждал молодой подполковник, помощник первого замминистра. Он проводил Ельцова до приемной, попросил подождать и поднял трубку телефона.

– Полковник Ельцов в приемной... Слушаюсь.

Помощник положил трубку, распахнул дверь.

– Прошу, Игорь Дмитриевич.

Замминистра вышел из-за стола навстречу Ельцову. Был он сановен и вальяжен. Генеральская форма сидела на нем с особым шиком.

– Ну, здравствуй, Игорь Дмитриевич, здравствуй.

– Здравствуйте, Юрий Михайлович.

– Садись... Чаю нам, – приказал он помощнику. – А может, чего покрепче?

– Нет, спасибо. – Ельцов сел.

– Ну говори, что у тебя за нужда?

Ельцов положил перед генералом ходатайство.

Генерал внимательно прочитал его, постучал пальцами по столу.

Пауза затянулась.

– Слышал я об этом, – задумчиво и как-то неуверенно сказал он. – Догадываюсь, какая шобла состряпала это дело. Значит, мешал он им?

– Кому-то помешал точно, – ответил Игорь Дмитриевич.

– А у него квартира-то была?

– Была, да сплыла, бывшая жена ее разменяла.

– Значит, будет жить у тебя?

– У себя он будет жить. Он в этой квартире родился.

– Ну что ж, – замминистра улыбнулся, – посмотрим.

Он взял красный фломастер и наискось написал резолюцию.

– На, Игорь Дмитриевич, прописывай племянника и скажи ему, чтобы аккуратней был.

Ничего этого Ельцов-старший Юре не рассказал. А зачем? Важен результат.

Слава Шатров ушел на свою общественную службу, пообещав вернуться к вечеру с группой проверенных бойцов. Дядька плотно закрыл дверь в свою комнату, оставив племянника одного. Юра сел за письменный стол, раскрыл папку. Там лежали права, предьявительская книжка с одной записью на три с половиной тысячи, доверенность на дядькины «жигули». На первое время денег хватит, а там он что-нибудь придумает.

Ельцов сидел за столом, наслаждаясь тишиной и покоем. Тихий гомон неспешной дворовой жизни доносился из окна, но он был практически неощутим после тяжелого, мрачного шума зоны.

От крепкого кофе и двух рюмок хорошего коньяка мысли стали ясными и точными, как после долгого, успокаивающего сна. Теперь надо было думать, как жить дальше.

Из партии его исключили, стало быть, в журналистику хода нет. Правда, оставались приятели, готовые помочь. Он мог стать безымянным автором на радио. Писать за кого-то сценарии и дикторские тексты на кинохронике и научно-популярной студии, получая жалкую половину. Может делать литзаписи за генералов и знатных производственников.

В Союзе кинематографистов тоже могут узнать о его делах и наверняка исключат. Правда, есть последняя гавань, куда с трудом добираются потрепанные штормом корабли, – профком литераторов. Народ там демократичный и добрый. Юрий знал многих ребят, состоящих в этой богадельне. Профком давал общественный статус и возможность называться профессиональным

литератором. Но человеку, принятому туда, надо было печататься и представлять свои работы и справки о заработках.

Конечно, можно взять псевдоним, писать какие-то брошюры во второсортных издательствах, печататься в ведомственных газетах. Но судимость висела на его плечах, как тяжелый мешок. Через год он должен был подавать ходатайство о ее снятии. Кто напишет бумагу для суда? Профком?

Нет, это будет малоубедительно. Пойти на завод или шофером на автобазу, благо водительские права у него профессиональные, третьего класса?

Смрадными ночами, в тюрьме и на зоне, он думал об этом дне. Но почему-то представлял себе только дорогу домой и встречу с дядькой. А еще мысленно сочинял роман о мщении. Но кому мстить, он толком не знал.

Через месяц ему исполняется сорок лет. Жизнь надо начинать сначала. Его прошлые заслуги и литературные успехи были ничем в сравнении с формулировкой: «Исключить из КПСС за поступок, компрометирующий высокое звание члена партии». Такая формулировка имела силу приговора. А исключение из рядов верных ленинцев плюс срок – каинова печать на всю жизнь.

Зазвонил телефон. Господи! Как долго он не слышал этого простого звука!

– Да, – ответил Юрий.

– Юрка, ты? – услышал он голос своего приятеля Игоря Анохина.

– Я, Игорек. Привет.

– Ну как ты?

– Трудно сказать, осваиваюсь.

– Мы вечером у тебя будем. Примешь?

– Кто это – мы?

– Я и Женька Губанова. Помнишь ее?

– Как не помнить. Только почему вечером?

– Понимаешь, у меня сложности в конторе. С главным отношения натянулись. Надо на боевом посту побыть.

– Добро. Я жду вас.

Первого знакомого он встретил во дворе. Лучше бы он не попадался ему на дороге. Витька Старухин даже в школе слыл сволочью, завистливой и мелкой.

Зато первый телефонный звонок компенсировал поганый осадок от беседы с бывшим одноклассником. Вот как странно случается в жизни. Знаком с человеком, работаешь с ним вместе, бываешь в общих компаниях и ничего про него не знаешь. Что раньше знал про Анохина Ельцов? Немного. Знал, что Игорь когда-то был отличным боксером, в семнадцать лет даже стал призером первенства Европы. Потом вдруг бросил бокс и институт и ушел в армию. Окончил курсы офицерского состава, получил младшего лейтенанта, но с армией расстался так же стремительно, как и с институтом. Поговаривали, что это связано с событиями в Новочеркасске, но Игорь никогда об этом не говорил. Он два года отработал опером в уголовном розыске, потом устроился в журнал «Человек и закон», поступил в заочный юридический институт. Случалось, что Игорь появлялся в тех домах и на дачах, где собиралась компания Ельцова. К нему относились с вежливым равнодушием, как человеку приятному, но чужому. Юра помнит, что им заинтересовалась Таня, девица весьма своенравная, – ведь папа ее был послом в ООН. Но потом жена сказала Ельцову:

– Танька себя переборола, это не наш парень.

– Что значит «не наш»?

– Он с другого двора.

– Я тоже с другого двора.

– Тебе удалось перелезть через забор, а Анохину это не грозит.

– А может, он хочет остаться в своем дворе?

– Пусть там и ищет себе барышню.

Ельцов тогда видел, что Игорь совершенно не переживал разрыв отношений с посольской дочкой. А она почему-то чудовищно злилась, обзванивала знакомых и просила не приглашать Анохина.

А Игорь и не рвался в эти компании, он с большим удовольствием проводил вечера в ресторане ВТО среди людей веселых и простых. Или собирал друзей в своей маленькой двухкомнатной квартире в Столешниковом переулке. Его мама, жизнерадостная и гостеприимная актриса из Пушкинского театра, лепила необыкновенные пельмени, и народ собирался отличный. Как говорил Игорь, старомосковский.

Когда с Ельцовым случилась беда, Игорь писал ему письма, а однажды Юрия вызвали к начальнику колонии. В кабинете подполковника сидел Игорь Анохин. Он приехал по командировке тюремного журнала МВД «К новой жизни».

Конечно, это был поступок. Анохин не побоялся, что это могло не понравиться людям, командующим прессой. Он вообще мало чего боялся; уйдя из армии, работал два года обычным опером в Балашихе, там и начал писать свои криминальные истории.

Хорошо, что Анохин сегодня придет к нему.

...Вежливо постучав, вошел Ельцов-старший.

– Отдохнул немного?

– Еще не понял.

– Поспи, а я пока начну готовить торжественный ужин. Поспи. Я телефон заберу с собой.

Сергею Рудину не хотелось заниматься ни Ельцовым, ни жуликами и торгашами. Его перевели в службу Михеева совсем недавно из Второго главка. Отдел, в котором он служил, занимался контрразведывательным обеспечением операций в Африке. Рудин два года проработал в Мозамбике и о Ельцове кое-что знал. Поэтому ему не очень хотелось заниматься этой разработкой из-за подспудного корпоративного чувства. Но служба есть служба. Начальник отдела Баринов целый час обсуждал с ним предполагаемый разговор с агентом.

Для работы был выбран агент Лосев, хорошо знавший Ельцова. Когда-то они вместе работали, отношения у них были неплохие.

Появление Лосева в доме у Ельцовых вряд ли вызовет удивление или насторожит их.

Задание было простым: прощупать настроение и попытаться наладить более дружеские отношения.

– Лосев – человек честолюбивый, готовый ради своей литературной карьеры на все, – сказал полковник Баринов. – Мы завербовали его именно на этом. Пообещали ему нашу литературную премию, подкинули кое-какие материалы. Позвонили, помогли выпустить в издательстве «Знание» книжонку о происках МОССАДа и ЦРУ. Перо у него хорошее, хлесткое, думаю, если наш план удастся, то скинем ему материал о взяточниках и жуликах. Ты об этом, Рудин, ему скажи обязательно. Я сам займусь легализацией Ельцова, когда все решим, пусть ЗК считает, что это Лосев самоотверженно и бескорыстно помог ему. Сегодня день прикидки. Пусть Лосев изучит ситуацию. И никакой инициативы с его стороны, каждый шаг только под твоим строгим контролем. Ты его книжонку прочел?

– Да.

– Ну как она тебе?

– Никак.

– Это ты мне сказал, а ему должен спеть замечательный хвалебный гимн.

С Лосевым Рудин встретился в номере гостиницы «Москва». Окна полулюкса выходили на Исторический музей. С высоты шестого этажа просматривался Кремль. Погода выдалась ясная. Изумительный день прелестной московской весны. В Александровском саду – кусочек его был виден из окна гостиной – выстрелили зеленые клейкие листочки деревьев; казалось, открой окно – и запах, тягучий, как мед, ворвется в прокуренный номер, в котором принимали агентуру еще с сорокового года.

Лосев появился ровно в назначенное время. Он был высок, поджар, но не от занятий бегом или другим спортом, а от рождения.

На нем был коричневый финский костюм, хорошие ботинки «Саламандер», однотонный шерстяной галстук.

– Здравствуйте! – Лосев пожал протянутую руку. Пожатие его было коротким и крепким. Ладонь абсолютно сухая, значит, шел сюда привычно, не волнуясь.

– Садитесь, – улыбнулся Рудин, – кофе, коньяк?

– И того и другого, – так же спокойно ответил агент.

Рудин отметил, что держится он с достоинством и прекрасно ориентируется в обстановке. Лосев сел, закурил «Кент». Об этой слабости агента Рудин знал и приготовил ему в качестве подарка пару пачек.

Когда на журнальном столике появились рюмки, бутылка и чашка с кофе, Лосев, усмехнувшись, сказал:

– Сергей Григорьевич, вы меня знаете, а я вот вас – нет. Думаю, у вас есть удостоверение?

– Естественно.

– Вы не могли бы его показать?

– Ваше право. – Рудин достал из кармана пиджака красную книжечку с гербом и буквами «КГБ СССР».

Лосев взглянул на нее быстро, словно сфотографировал.

– Спасибо. В моем деле необходима осторожность.

Рудин внимательно посмотрел на него. Вьющиеся светлые волосы. Приятное лицо, но какое-то смазанное, с маленьким безвольным подбородком. Темные, колючие, смотрящие мимо собеседника глаза. Беспокойные руки, пальцы, бегающие по пуговицам пиджака, постукивающие по подлокотникам кресла, крутящие зажигалку.

– Ну, давайте, Борис Львович, выпьем за начало совместной работы. – Рудин поднял рюмку.

Лосев молча выплеснул коньяк в рот и даже не поморщился.

По тому, как он это сделал, майор понял, что агент любит, а главное, умеет выпить.

– Знаете, – Лосев криво усмехнулся, поставил рюмку на стол, – какая чехарда получается. Вы у меня уже третий сотрудник,

с которым я работаю. Как-то не по-людски. Я сам согласился помогать вам.

Рудин усмехнулся внутренне, он-то знал, что Лосев был завербован после грязной истории с кражей женского платья в Варне. Он вынес его из магазина, принес в номер, даже в чемодан уложил. А вечером к нему пришел сотрудник контрразведки, работающий под крышей представителя «Интуриста», и принес оплаченный чек за украденную вещь.

Выбор у Бориса Львовича был невелик: или подписать вербовочные документы, или вылететь с работы и из партии. Так он стал агентом и начал служить верой и правдой.

– Борис Львович, вы сотрудник весьма ценный, – обаятельно улыбнулся Рудин, – руководство комитета вас высоко ценит.

Рудин заметил, как сразу изменилось лицо агента.

– Так вот, – продолжал он, – у нас есть дело, которое можете поднять только вы.

– Какое? – Лосев поставил чашку с кофе на стол.

– Вы знаете Ельцова?

– Конечно.

– В каких вы отношениях?

– По-моему, в хороших.

– Ваше мнение о нем?

– Выскочка. Удачный брак и, конечно, карьера.

– Но он же хороший журналист.

– При такой поддержке каждый станет хорошим. У нас вообще время зятьев: Аджубей, принц-комсорг Чурбанов, тот же Ельцов, наконец.

– Надеюсь, вы никому, кроме меня, не высказывали свое мнение?

По выражению лица агента, по его интонациям Рудин понял, что Лосев давно и тяжело завидует Ельцову. Завидует даже сейчас, когда Юрий находится в жутком дерьме.

– Борис Львович, – Рудин встал, отошел к окну, – я хотел бы вас попросить поехать сегодня вечером к Ельцову...

– Как же так? – перебил его Лосев.

– А вот так, – жестко ответил Рудин, – поезжайте, и все.

– Без звонка?

– Именно. Знаете, телефон вещь ненадежная, всегда можно отговориться, сослаться на срочные дела, чтобы отменить встречу. А визит – вещь неотвратимая. Не выгонит же он вас, в самом деле.

– Думаю, что нет.

– Вот и славно. Купите хорошую выпивку, в Столешниковом в винном магазине португальский портвейн появился, да и французский коньяк там всегда есть. Придете, выпьете, посидите, и постарайтесь выяснить его настроение, внутреннее состояние, приглядитесь внимательно к гостям.

– А вы думаете, будут гости?

– Точно знаю, что собираются. Но помните: все нужно проделать ювелирно. Не пережимайте. Вопросы задавайте, словно бы сочувствуете и готовы помочь. Если объект уйдет от ответа, сразу же переводите разговор на другую тему. Помните, что там будет его дядя Игорь Дмитриевич, а он не только классный сыщик, но был одним из лучших агентурщиков в стране. Понимаете, какую сложную задачу мы вам доверяем?

– Понимаю, – как-то неуверенно ответил Лосев, налил себе еще коньяку и выпил.

– Вижу, вы немного взволнованы, – как можно мягче сказал Рудин. – Да, задание непростое. Руководство долго подбирало кандидатуру. Вас посчитали самым достойным. Знаете, талантливый человек талантлив во всем. Я прочел вашу книгу «Лесное эхо» и по сей день нахожусь под впечатлением от ваших героев. Особенно интересен начальник стройки. Вот уж воистину вам удалось разговорить этого человека. Повесть документальная, а читается запоем, как модный роман.

Рудин отметил, как сразу же изменился агент. Лицо его обрело некую медальность, он откинулся в кресле и стал словно крупнее.

– Ну что ж, – веско ответил Лосев, – я всегда хотел получить интересное дело, в котором мог бы себя показать.

– Такое дело мы вам и доверяем. Кстати, можете невзначай похвастаться, что скоро за свою книгу получите премию ВЦСПС.

– Как? – Лосев встрепенулся.

– Очень просто, есть у нас определенные рычаги, и мы привели их в движение. – Рудин нацепил на лицо самую доброжелательную улыбку из своего арсенала.

– Даже не знаю, как вас благодарить, – развел руками Лосев.

– Делом, Борис Львович, делом. Ну а теперь пишите расписку и получите на расходы сто рублей.

Сумма была немалая, ровно половина зарплаты Лосева, и он понял, что дело действительно серьезное.

Получив деньги и попрощавшись с Рудиным, Лосев вышел из гостиницы и пошел на улицу Горького. Он шел в приподнятом настроении, думая о том, как придет в Дом журналиста с лауреатской медалью ВЦСПС на лацкане пиджака, злорадно поглядывая на завистливых коллег и недоброжелателей.

Деньги на него свалились вовремя, портвейн он, конечно, купит, а с коньяком Ельцов перебьется. Неделю назад в мастерской одного фотохудожника он познакомился с классной манекенщицей из ГУМа, которая тоже выделила его среди многочисленных гостей.

А с деньгами было очень напряженно. Бывшая жена, прознав про книжку, потребовала свою долю, иначе грозила походом к главному редактору. Пришлось выскребать последнее, так как на гонорар он купил машину. Скандал Лосеву был не нужен. За последнее время отношения с редакционным начальством напряглись, и его не выдвинули на освободившуюся должность заведующего отделом. Пригласили варяга.

Когда-то, восемь лет назад, он был счастлив, став хоть маленьким, но начальником. И с работой справлялся хорошо, и писал неплохо, в партию вступил, а пересесть из общей комнаты в отдельный кабинет так и не удалось. Их отдел внутренней жизни, как самый

большой в редакции, располагался в двух комнатах. С Лосевым сидели два сотрудника, которых он терпеть не мог, но свою неприязнь скрывал тщательно. Его стол у окна отличался тем, что на нем стояло два телефона. Городской и «черный ворон», прямая селекторная связь с главным редактором.

Когда его завербовали после ужасной истории в Варне, он подумал, что, наконец, наступил его час. Но новые друзья не торопились продвигать Бориса по службе. Через несколько лет первый его куратор, которого увольняли из органов за пьянку, встретился с ним в последний раз на конспиративной квартире. После того как они выпили литр коньяка, он сказал:

– Ты, Боря, парень неплохой и не жлоб, запомни: на контору не рассчитывай, ничем они тебе не помогут, если, конечно, не подвернется сложное дело. Помочь не помогут, зато насрать могут больше лошади.

Пьяный, пьяный, а тот разговор Лосев запомнил на всю жизнь. И понял, что с новыми друзьями надо вести хитрую игру.

Ему удалось выбить у них поездку во Вьетнам с делегацией журналистов. С поганой овцы хоть шерсти клок. А сегодня... Видимо, легла его карта. Ну что ж, он поработает с Ельцовым. Слава богу, что по врожденной осторожности он не сказал о Юре ни одного дурного слова. Наоборот, встретив в Домжуре Игоря Анохина, долго говорил ему, как переживает за бывшего коллегу и всегда готов помочь Ельцову. Говорил это душевно и грустно, хотя в глубине души радовался падению этого выскочки, злорадствуя, что Ельцову больше никогда не удастся подняться.

Вот это «никогда» и примиряло его сегодня с возвращением Ельцова.

Ельцов, проснувшись, заглянул к дядьке и увидел накрытый стол. Что-что, а готовить Игорь Дмитриевич умел и любил. Чего только не было на этом пиршественном столе! И все дядя сделал собственными руками. Из кухни доносился умопомрачительный запах жарящейся в духовке бараньей ноги. И запах этот, и стол,

установленный тарелками и покрытый крахмаленной камчатой скатертью, напомнили Юре далекое детство, Новый год, когда мама накрывала, а на кухне отец, дядя Игорь и папин дружок втихую «давили» бутылку водки.

И ему вдруг мучительно захотелось выпить.

– Дядя Игорь, давай, пока никого нет, по сотке вмажем.

– Давай, – охотно согласился дядька.

Они вышли на кухню, и Игорь Дмитриевич умело разлил водку по стаканам. Ровно по сто, хоть мензуркой проверяй.

– Давай, племянник, за возвращение твое.

– Нет, дядя, за возвращение мы пили. Давай за дело выпьем, из-за которого я два года зону топтал.

Ельцов-старший внимательно посмотрел на него:

– Не забыл, стало быть?

– Нет.

– Хочешь получить кое с кого?

– Хочу и получу.

– И правильно. Мы такое прощать не должны.

– Мы – это ты и я?

– А разве нас мало? Знаешь, как покойный мой друг Ваня Парфентьев говорил? Один человек – человек, два человека – люди.

– За это давай и выпьем, дядя.

Они выпили, и Юра стоял, прислушиваясь, как водка горячей волной смывала какую-то тяжесть в груди.

– Полегчало? – усмехнулся дядя.

– Немного есть.

– Только не увлекайся этим. Водка не всегда помогает.

– Ты же меня знаешь. Просто я сегодня хочу быть легким. Раскованным и веселым.

– Тогда давай еще по одной. – Дядя снова разлил.

Только они выпили, как позвонили в дверь.

– Ну, встречай, – засмеялся Ельцов-старший, – и помни: к тебе сегодня придут разные люди. Одни станут искренне радоваться,

что ты вернулся, другие захотят свое любопытство удовлетворить, а третьи проагентурить придут, узнать, что ты собираешься предпринять. Поэтому будь осторожен. Очень осторожен. Дело-то твое не закончено – оно только начинается.

Первыми пришли два старых друга, из той далекой поры, когда он увлекался боксом. Валя Семин и Леша Парамонов, два бывших чемпиона СССР и Европы.

Развела Ельцова жизнь с этими простыми и добрыми ребятами. А вот случилась беда – и пришли они к нему. Плечистые, немногословные, крепкорукие.

Обнял их Юра и повел к столу. Сели, налили по рюмке, закусок в тарелки набросали. И разговор начался сразу деловой.

– Ну, страдалец, – спросил Леша, – как с пропиской у тебя?

– Да вроде ништяк, – вспомнил словечко их молодости Ельцов.

– Когда тебя к канатам прижали, они, случайно, с тебя звание мастера не сняли? – вмешался Валька.

– Случайно нет.

– Вот и хорошо. Я, Юрок, теперь директор школы «Боевые перчатки». Слышал о такой? – Леша налил себе еще шампанского.

– Смутно.

– А зря. – Леша выпил шипучки, закусил форшмаком. – Зря. Я тебе работу предложить хочу.

– Какую?

– Тренером, у юниоров. Не забыл еще, как на лапах работать? Что молчишь?

Вот она, удача-то. Вот она. Это не редакция или киностудия. Отсюда его выгнать посложнее будет.

– Деньги у нас, правда, небольшие, – продолжал Леша, – ставка – столыжник, но за переработку почасово платим. Так что сотни полторы вполне сможешь иметь. Ну? Согласен?

Леша протянул ему руку.

– А то! – Юра крепко сжал ладонь старого товарища.

– Спасибо вам, ребята, – сказал Ельцов-старший, – огромное спасибо. Это именно то, что ему сейчас необходимо, через год надо судимость снимать.

– Мы ему такое ходатайство зарядим в суд, что не только судимость снимут – Героя Соцтруда дадут.

Пошла-покатилась беседа, вспоминалась прежняя веселая жизнь. Бои, победы, проигрыши, тренировки, сборы. Бокс, в отличие от других видов спорта, всегда был клановым. Человек, получивший даже самый низший, третий разряд, становился полноправным членом своеобразного клуба мужественных людей. Боксеры, уйдя с ринга, помогали друг другу независимо от того, были ли они соперниками или товарищами по команде.

А гости шли и шли, скоро пришлось подставить стол из кухни.

Приехали Игорь Анохин с Женькой, Слава Шатров с друзьями-киношниками, Борька Лосев, с которым они когда-то работали в одной газете.

Много разного народа набежало.

Шли не с пустыми руками. Борька Лосев приволок две бутылки португальского портвейна, Шатров с ребятами – целую коробку закусок и выпивки из ресторана Дома кино, Игорь притащил гору пельменей из кулинарии ресторана «Пекин». В общем, всего хватало.

Опьяневший не столько от спиртного, сколько от компании, привычных разговоров и песен, Юра вышел на балкон покурить.

– Устал? – К нему подошел Игорь Анохин.

– Нет. Не хочу, чтобы люди уходили. Отвык от них за два года, все наговориться не могу.

– Как с пропиской? – Игорь достал сигарету.

– Вопрос решен, но это между нами.

– О чем ты говоришь. А работа?

– На год пойду тренером в спортивную школу.

– А журналистика?

– Мою же фамилию не пустят на полосы.

- Возьми псевдоним.
 - Не хочу. Пока буду писать для себя. Не все этих сук верх будет.
 - Это как сказать. Уйдут одни – придут другие, живем-то мы по их законам. Надоело.
 - Что делать, Игорек, не мы изобрели этот мир, мы в нем только живем.
 - Пусть тебя успокаивает, что жизнь тяжела, но, к счастью, коротка.
 - Если это считать утешением.
 - Но все равно, Юрка, мы должны стараться стать сильнее обстоятельств...
 - Это ты правильно заметил. Но, дружище, они, эти обстоятельства, не всегда добры к нам.
 - Юра, я вышел на людей, которые тебя арестовали...
- Игорь замолчал, на балкон вышел поддатый Борька Лосев.
- Не помешал, старички?
 - Да что ты, Боря, – засмеялся Ельцов, – кто же может помешать в такой день.
 - Давайте по лампадке, на свежем воздухе, – предложил Лосев и вышел в комнату.
 - Как он тебе? – спросил Анохин.
 - Не пойму.
 - Знаешь, Борька один из немногих, кто искренне расстроился, когда тебя загребли. Говорил всегда о тебе только хорошее.
 - Ну и слава богу, что он пришел, – ответил Ельцов.
- Появился Борька с бутылкой коньяка и тремя рюмками. Поставил все на маленький столик на балконе, словно из рукава, вынул куски буженины.
- Давайте, ребята, за счастье.
- Они выпили, закусили солоноватой бужениной.
- Как жить думаешь, узник замка Иф?
 - Хорошо, Боря, теперь очень хорошо.

– Не все пришли, не все, – Лосев вновь разлил коньяк, – раньше у тебя от знаменитостей не продохнуть было. И где же они? Как ты думаешь?

– А я, Боря, чтобы не думать о них плохо, вообще о них не думаю.

– Весьма афористично, – засмеялся Лосев и поднял рюмку.

Они опять выпили.

– А как с работой? – доедая буженину, спросил Лосев.

– Вот чего не знаю, того не знаю. Сначала надо с пропиской решить, а уж после о службе государевой печься душой, – усмехнулся Ельцов.

– У меня есть шанс помочь тебе, – значительно изрек Лосев.

– Это каким образом? – вмешался Анохин.

– Ребята, я когда-нибудь трепался зря? – спросил Лосев.

– Да что-то не помню, – честно признался Анохин.

– То-то. Я тут, правда, ни фамилий, ни лавки пока называть не буду. Так вот, с главным я перекинулся парой слов. Он мне обязан сильно. Газетка формата многотиражки, но, как ни странно, гонорар платят.

– Ну и что сказал главный? – продолжал допрос Анохин.

– А сказал он вот что. Может он Юрку взять. На должность учетчика писем, а на самом деле он будет спецкором.

– Значит, опять под псевдонимом прятаться? – Ельцов щелчком отправил сигарету в темноту.

– А это как договоришься.

– Спасибо, Боря.

– Да что ты, Юрка.

– А он знает, что я судим и из партии исключен?

– Он все знает.

– Уж больно смелый мужик. – Ельцов снова закурил.

– Жди звонка.

На балкон вышла Женька:

– Юра, Игорь, Боря, вы зачем нас бросили? К столу, мальчики, к столу.

Разошлись ближе к полуночи.

Юра и Игорь Дмитриевич убирали со стола, мыли посуду.

– Ты иди, отдохни, – сказал дядька. Он был в фартуке, посуду мыл стремительно и аккуратно. – Иди, я один справлюсь.

Юра пошел в комнату, начал раздеваться.

Зазвонил телефон.

– Да.

В мембране слышался непонятный шум и треск. Он положил трубку. И вдруг Ельцов подумал, что, возможно, сигнал этот был послан сюда много лет назад. Может быть, номер набрала его первая, уже забытая любовь. Сигнал запутался среди проводов, сопротивлений и конденсаторов и много лет пробивался сквозь пульты АТС и, наконец, добрался до цели. Он даже представил себе зрительно этот заблудившийся импульс. И ему почему-то стало спокойно и радостно, и сон пришел невесомый и звенящий, как в детстве.

– Не хочу домой, – капризно сказала Женька, садясь в машину. – Поехали в Архангельское.

– Я же поддатый, – попробовал воззвать к ее разуму Игорь.

– Ну и что? Кто тебя остановит? Ты же любимец московской милиции. Удостоверение с собой?

– Конечно.

– Тогда едем. Что у нас с деньгами? – деловито осведомилась Женька.

– С деньгами нормально.

– Тем более. Погулять хочется. Толик споет нам.

– Ну что делать! Я же слабый мужик. – Анохин повернул ключ зажигания.

Ночное Архангельское. Вернее, ресторан «Архангельское». Место, привлекавшее всю гуляющую Москву. Ночью, когда закрывались рестораны, «Архангельское» тоже закрывало двери. Открывали их только для своих. Богатых и знаменитых и, конечно,

для иностранцев, потому что только ради них и был устроен этот полулегальный кабак.

Здесь разбросал свои силки КГБ, здесь были специальные столы, толкались дамы, приятные во всех отношениях, здесь подводили их к иностранцам. Это была тайная, закрытая от всех жизнь. Но для ее существования ресторан открывал свои двери для светской московской публики. Дочери и сыновья, зятья и невестки секретарей ЦК и членов Политбюро... Даже сама Галина Брежнева приезжала сюда со своей свитой. Веселое это было место. Остров развлечений в аскетической Москве.

Игорь вел машину аккуратно, до ресторана доехали без происшествий. Швейцар узнал их и немедленно пропустил.

С порога они услышали голос Толика, он пел пастернаковское «Мело, мело по всей земле...». Мэтр, старинный приятель Игоря, повел их к столику на две персоны у стеклянной стены. И Толик их увидел и помахал рукой. Народу было не так много, половину зала, как всегда, занимали иностранцы.

Официант принес шампанское и холодные закуски. В самом углу мэтр руководил сервировкой большого, человек на двадцать, стола.

– Кто-то крупно гулять собрался. – Игорь разлил шампанское.

– Давай поспорим, что я точно скажу кто, – засмеялась Женька.

Она курила и, прищурив свои зеленые ведьмины глаза, поглядывала на зал. Мужики за столиками сворачивали шеи, пялясь на нее. Оркестр замолчал. Толик, спрыгнув с эстрады в зал, пошел к их столу. Взял свободный стул, присел.

– Какая же ты красивая, Женька, – весело сказал он, – поглядишь, и сердце радуется. Вообще, вы классная пара.

– Ты будешь шампанское? – спросил Анохин.

– Нет, я сейчас кофе попрошу.

– Устал?

– А как ты думаешь? Каждый день по десять часов глотку рвать. Но надо, бабки нужны. Машина разваливается, чинить пора.

У Толика была старенькая «вольво»-седан, которую он купил по случаю, дешево. Он очень любил ее. Ремонт такой машины, несмотря на громадные связи ее хозяина – как-никак, а весь московский автосервис гулял в «Архангельском», – стоил весьма дорого.

– Вы откуда приехали? – Толик сделал себе бутерброд с икрой.

– Ты сначала прожуй, – засмеялась Женька, – а то, не дай господь, подавишься.

– Жую, – с полным ртом промычал Толя. – Откуда?

– У Юры Ельцова гуляли.

Толя и впрямь подавился, закашлялся, выпил налитый Игорем боржом.

– Вот это да! Вернулся. Налей мне шампанского, я за это выпью. Он где живет-то?

– У дядьки.

– На Грузинском Валу? Рядом со мной?

– Да.

– А эта мочалка его с квартирой кинула?

– Именно.

– Кстати, Толик, стол не для нее накрывают? – прищурилась Женька.

– Целая кодла во главе с Шориным.

– Ну что я говорила? – Женька так и не закончила фразу, в зал вошла большая веселая компания.

– Ну вот, – усмехнулся Игорь, – те же, знакомые до слез, лица.

К их столу подошел, радушно улыбаясь, Шорин:

– Ребята, я рад вас видеть. Почему не приехали на шашлык?

– Дельце было, милый Сашенька. – Женька подарила Шорину одну из своих ослепительных улыбок.

– Наслышан, наслышан, – по-доброму прищурился Шорин, присаживаясь к столу, – долг дружбы – самый наиглавнейший.

– А откуда вы знаете? – поинтересовался Игорь.

– Игорек, милый, при моей работе в этом городе для меня нет секретов.

«Кто же сбросил ему информацию?» – подумал Игорь. Он не очень верил в подлинное могущество Шорина.

А за столом, кивая и приветственно махая руками, рассаживалась знакомая компания. Барски уселся помощник первого секретаря МГК КПСС Гришина, на другом конце образовались два мужика, консультанты из самого ЦК КПСС, солидная компания собиралась за столом. Игорь узнал начальника Московской таможни, замминистра внешней торговли.

Ну и, конечно, актеры и Вовчик.

Вот он подбежал к их столу. Веселый, добродушный, кругленький.

– Здравствуйте, Толик, Женечка, Игорек. Вы извините, мне спросить у Александра Михайловича кое-что надо.

– Вовчик, – лениво, не оборачиваясь, сказал Шорин, – сходи, попроси шампанского, коньяка пару бутылок, фрукты, кофе, мороженое. Ну и икорки по Стендалю.

– Это как? – спросила Женька.

– Красную и черную.

Вовчик исчез. Никто не знал, откуда в московских компаниях появился этот человек. Никто не знал, чем он занимается. Иногда у него появлялись деньги, и он накрывал роскошные столы, чаще он просто скидывал свою долю, халявщиком Вовчик не был. Он знал всех, и его знали все. Он снимал квартиру на Таганке и охотно давал друзьям ключи. Добрый, веселый, а главное, услужливый человек. У него не было врагов, казалось, все любят этого стареющего пацана с Крещатика.

– Толечка, – повернулся к певцу Шорин, – вы споете нам?

Он быстро вынул купюру и сунул ее Толику в карман рубашки.

– Конечно, Александр Михайлович, конечно.

– Вот и спасибо, мой дорогой, я после ваших песен словно молодею.

– Значит, лихая молодость у вас была? – поинтересовался Игорь.

– Всякая, мой дорогой, всякая. Я же в номенклатуре не со дня рождения. Почему вы за наш стол не садитесь?

Женька повернулась и поймала из-за цековского плеча ненавидящий взгляд посольской дочки Тани.

– Боюсь локальных конфликтов, – засмеялась Женька.

– Тогда понятно. Ну как вы нашли узника собственной совести?

– В форме, – кратко ответил Игорь.

– Значит, вправила ему зона мозга. А то, как я узнал, он со слов какого-то уголовника написал статью, что ереванский банк якобы ограбили чуть ли не по решению ЦК. Не ожидали мы от него такого. Не ожидали. Но ничего, поедет на сто первый, поработает, судимость снимет. Вернется. Поможем устроиться, да и в партии восстановят. У него вся жизнь впереди.

За столом повисла пауза.

– Ну, не буду мешать, – Шорин встал, – отдыхайте.

Он вальяжно пошел к своему столу.

– Конечно, он башляет оркестр круто, – в спину ему сказал Толик, – только я его терпеть не могу. Номенклатура! Я его в «Сосновом бору» с такой хивой видел, у каждого четвертак срока на ушах.

Он поднялся, пошел к эстраде, легко вспрыгнул к микрофону, дежурно улыбнулся залу.

– По просьбе уважаемого Александра Михайловича начинаем нашу ночную программу. Выступает инструментальный коллектив Бутырской тюрьмы. Знаменитый романс «Мы сидели вдвоем», музыка народная, слова КГБ.

И заиграл оркестр. Началась знаменитая ночная гулянка, именуемая в определенных кругах «Разгуляй».

Хлопоты. Хлопоты. Пустые хлопоты. Да нет, не такие уж они пустые были. Правда, все, что казалось за столом на кухне простым и решаемым стремительно и просто, на деле оказалось значительно сложнее. Председатель Московской федерации бокса уехал на три

дня в Софию, а без него кадровик никак не хотел решать вопрос с работой.

Начальник паспортного стола отделения, несмотря на грозные резолюции, потребовал справку с места работы. Ельцову-старшему он сказал прямо:

– Указание замминистра для меня, товарищ полковник, закон, но вы же знаете, что есть инструкция. Без справки с места работы никак не могу. Паспорт выдам и сделаю так, что ваш племянник получил его не на основании справки об освобождении, а по замене старого. А вот штамп прописки поставить не могу. Мне до пенсии, Игорь Дмитриевич, всего восемь месяцев.

И опять выручил Леша Парамонов. У него в школе свой бланк был и печать. Плюнул он на все формальности и написал бумагу, что мастер спорта Юрий Петрович Ельцов работает в юношеской боксерской школе «Боевые перчатки» тренером-преподавателем с окладом сто рублей.

Конечно, в такой ситуации начальник паспортного стола просто обязан был дать задание участковому поехать в вышестоящую организацию – Московский городской комитет по физической культуре и спорту – и проверить подлинность документа. Но он этого делать не стал: письмо с резолюцией первого замминистра прикрывало любую справку.

Из отделения Юрий Ельцов вышел с новеньким паспортом, в котором стоял штамп прописки по адресу: «Грузинский Вал, дом 26, квартира 143». И главные слова были оттиснуты на листочке с водяными знаками: «прописан постоянно».

С новым паспортом поехал Ельцов в кадры спорткомитета. Начальник этого департамента оказался чересчур бдительным и позвонил в отделение. Попал сразу на начальника.

– А что вам надо? – удивился подполковник. – Товарищ Ельцов прописан в этот адрес по личному указанию первого замминистра внутренних дел. Надеюсь, вам не надо разьяснять, кто это?

Разъяснения спортивному кадровику не понадобились. Он сразу же понял, что у нового тренера весьма высокие связи, поэтому пригласил Ельцова в кабинет, говорил с ним предельно любезно и издал приказ о назначении его старшим тренером-преподавателем с окладом сто пятнадцать рублей.

На прощание, крепко пожимая руку, сказал:

– Хотя вы со спортом давненько расстались, но мы помним вас. Хорошо помним. Да и ваша журналистская деятельность большую пользу спорту принесла. Мы вас, Юрий Петрович, на звание «заслуженный тренер РСФСР» представим.

– Спасибо, – Ельцов подивился внезапной перемене в настроении кадровика, – не рано ли?

– Самое время, самое время, Юрий Петрович, эта школа должна стать лицом юношеского бокса, поэтому и тренерский состав должен быть регалиями увенчан.

Конечно, начальник отделения перезвонил Игорю Дмитриевичу и пересказал беседу с кадровиком. Поэтому, когда племянник в полном недоумении поведал о встрече в спорткомитете, Ельцов-старший хохотал до слез.

За всеми хлопотами Юра забыл о разговоре с Игорем Анохиным на балконе. Тогда им помешал Борька, а потом началась закрутка с работой и пропиской.

Вспомнил об этом только, когда, отработав первую половину дня, шел он по Сретенке в спортивный магазин, чтобы купить там несколько методических пособий для тренера.

Из телефона-автомата он позвонил Анохину в редакцию, где ему сообщили, что Игорь уехал собирать материал; дома его тоже не оказалось. Тогда из глубины памяти Ельцов выскреб телефон Женьки Губановой. Там он и разыскал Анохина.

– Послушай, Игорь, ты помнишь наш разговор на балконе?

– В общих чертах, – рассмеялся в трубку Анохин.

– Помнишь, Борька Лосев пришел...

– Я-то помню, – перебил его Игорь, – думал, что ты забыл.

– Нет, не забыл, хорошо бы эту тему продолжить.

– А ты где?

– На Сретенке, рядом со «Спортивной книгой».

– Молодец, серьезно за дело взялся.

В трубке послышался голос Женьки.

– Что у вас там? – поинтересовался Ельцов.

– Кричит, чтобы ты приезжал к нам обедать. Но мы поступим иначе. Ты «Яму» знаешь?

– А то.

Кто из центральных жителей Москвы не знал знаменитый пивной бар на углу Пушкинской улицы и Столешникова, называемый в просторечии «Ямой»?

– Так вот, тебе от Сретенки пешком минут двадцать. Давай встретимся у входа через полчаса.

Хотя рабочий день в столице еще набирал силу, у «Ямы» стояла длинная очередь. На перилах, огораживающих вход, сидели два парня с испитыми лицами и на виду у всех распивали портвейн. Нравы здесь были просты и незатейливы. Народ из очереди поглядывал на них с явным неодобрением.

«Яма» была не просто баром, не просто общепитовской точкой, куда можно было забежать накоротке выпить пару кружек дрянного пива, поесть мелких, как тараканы, креветок, распить из-под полы прихваченную бутылку. В бар этот ледяной ветер эпохи, словно осенние листья, нес всех, кто попал под его беспощадную силу. Оседали здесь неудачники, те, у кого не сложились жизнь, карьера, творчество. Здесь не ценили титулы и заслуги. Другая человеческая мерка была у завсегдаев бара. Здесь ценились товарищество, храбрость, широта. Качества, сильно подзабытые в государстве развитого социализма. «Яма» была клубом, приютом, местом, где люди становились на душевный ремонт. Пестрый был здесь контингент, неоднородный: сбытчики наркоты, воры, фарцовщики, черные антиквары и золотишники.

Юрий бывал здесь пару раз. Заскакивал с ребятами с кинохроники выпить на бегу пивка, заесть его безвкусными сосисками, по цвету походившими на отрубленные пальцы трупа. И не более того. Люди того круга, куда он попал, в такие места не ходили. Пиво пили в престижном баре Дома журналиста или в пивном ресторане «Валдай» на Новом Арбате. В том круге были свои понятия о респектабельности.

Игорь Анохин подошел ровно в назначенное время, он вообще был человеком пунктуальным. Ельцов с удовольствием оглядел его. Весенний был Игорь: голубые брюки, невесомые мокасины, фирменная куртка.

– Что, дружище, – улыбнулся Игорь, – начал трудовую жизнь?

– Сегодня отработал утренние занятия со своей группой.

– Не забыл, как переносить тяжесть тела в удар?

– Вспомнил. Мне теперь многое придется вспоминать.

– Слушай сюда, как говорит первый секретарь МГК месье Гришин, я тебе, прежде чем мы пойдем в бар, расскажу кое-что. Только давай отойдем отсюда. Пошли в скверик, там посидим, покурим, поговорим.

Свободную лавочку они нашли как раз напротив памятника Ленину. Сели. Закурили. Помолчали.

– Вот какое дело, Юрик, – начал Игорь, – я в «Яме» человек авторитетный, все центровые меня знают, и я со всеми знаком. В «Яме» бываю часто, люблю с ребятами посидеть. Тянет меня туда. Народ в нашей «ямской» компании надежный и добрый. Мы всех постоянных посетителей знаем. А тут появился новый человек. Я смотрю – лицо знакомое. Витька Кретов. Я с ним в областной ментовке работал. Как тебе известно, я был опером угрозыска в балашихинской милиции, а он в райотделе в Реутове старшим опером. Квасил он по-черному. стакан рядом не ставь.

Я ушел в газету; что он делал дальше – я без понятия. Да и не были мы с ним близкими приятелями, поганенький человечек. И вдруг встречаемся в «Яме». Он, оказывается, до майора

дослужился. Работал в Москве, но из органов вылетел. Пошел сторожем во вневедомственную охрану. Сутки дежурит, двое свободен... Ты погоди, Юрик, не перебивай. Ну, коль мой знакомец, его ребята в свою компанию приняли.

– В какую компанию? – спросил Ельцов.

– В «Яме» есть группа людей, завсегдаево, у которых в этом баре незыблемый авторитет. Парни отличные, жизнью траченные, но дружные, спаянные, свои ребята. Витька этот оказался не жмотом, к нему стали относиться по-доброму. Как-то выпили мы сильно. Не помню, как уж это получилось, но мы с ним одни на «даче» оказались.

– Где?

– На «даче», так двор называется за меховым ателье в Столешниковом. Деревья там, скамеечка, тишина. Ну вот, мы на этой «даче» портвешком лакировали. Витька раскис и начал мне рассказывать, что бывший наш начальник розыска района, ушедший в министерство, полковник Болдырев, взял его в специальную группу. Служили они в разных подразделениях, Витька во Фрунзенском райотделе обретался, но по приказу Болдырева выполнял спецзадания. У них у всех были министерские ксивы.

И так мы пьем, плавленым сырком закусываем, а он мне все байки рассказывает. Только вдруг слышу – он твою фамилию назвал. Я начал наводящие вопросы задавать. Он мне всю историю твоего ареста – и как он тебя допрашивал, и как в Бутырку вез – рассказал.

Я тогда его пугать не стал, боялся, что он закроется. Думаю, подожду. Вышел на ребят из Фрунзенского райотдела. Они мне и рассказали, что действительно, он у них только числился, а сам по линии министерства работал. А вылетел за то, что на обыске у какого-то ювелира сунул в карман немного денег и пару безделушек, тысяч по семь каждая. Уж не знаю, как это определили, но вылетел он из партии, из органов и разжалован. Вот что я хотел тебе рассказать. – Игорь ловко бросил окурок в урну.

– Смотри, попал, – засмеялся Ельцов.

– Нет, дружище, это ты попал. Ты же хочешь эту историю поднять?

– А то.

– Можешь начинать оперативную разработку. Пошли, узник собственной совести.

Ну вот, и наступил момент, о котором долгими лагерными ночами думал Ельцов. Время расчета наступило. Теперь по-умному все делать надо. Он помнил этого Кретова. Мордастого, наглого, укравшего при личном обыске его часы «Омега» и зажигалку «Ронсон». Помнил, как он водил горячей сигаретой у его лица.

Все помнил, как тот ударил его ногой, когда они выходили из машины. А почему не ударить, если у задержанного руки за спиной наручниками скованы?

Юра потом видел много ментов и вертухаев, но такой суки, как Кретов, не встречал.

Ну что ж, надо выбить из Кретова все, что он знает.

– Слушай, Игорь, у тебя диктофон с собой? – спросил он.

– Естественно.

– Пошли в «Яму».

Попасть в этот странный пивной бар обычному человеку было нелегко. Сначала в очереди помаяться приходилось. Но завсегда и шли другим путем. Игорь вел Ельцова секретным фарватером. Они вошли в арку и попали в грязный, заваленный ящиками двор. Подошли к обшарпанной двери, ведущей в подвал, открыли ее. Их встретил странный, комбинированный запах прокисшего пива, несвежей пищи и табачного перегара.

Игорь уверенно прошел мимо кухни, каких-то ящиков, и они очутились в гудящем от голосов зале.

– А вот и наши, – сказал Игорь, – пошли.

За столом, уставленным пивными кружками и стаканами, сидела компания молодых мужиков. Одного из них Ельцов узнал сразу же, это был актер Валька Голубев. Лицо его примелькалось

в детективных фильмах. Он чаще всего играл бандитов, внешность располагала именно к таким ролям.

– Ребята, привет, – поднял руку Анохин, – рекомендую вам Юру Ельцова, моего друга. Журналиста классного, а теперь тренера по боксу.

Стол молчал.

– А вот и прописка, – засмеялся Игорь и вынул из кейса две бутылки пшеничной водки.

– Садись, Юрик, – поднялся из-за стола оплывший человек с испитым лицом. – Не узнаешь?

– Славка, ты? – спросил, узнавая, Юра.

– Я, Елец, я.

Славка Сафронов, олимпийский чемпион по боксу. Юра слышал, что он начал сильно пить, но чтобы так...

– Осуждаешь, – усмехнулся стариковским беззубым ртом Славка.

– За что, Славик? Жизнь и меня поломала.

– Садись, Юрок, – Славка подвинулся, – вот и ты к нам пришел.

– Хватит, наливайте, – прогудел Валька Голубев, – потом разберемся, что к чему.

Он махнул рукой, и к столу подбежал официант по кличке Микадо.

Все вопросительно посмотрели на Ельцова.

– Пива всем, рыбы соленой, что горячее есть?

– Сосиски и купаты.

– Волоки купаты и получи с меня.

Компания высоко оценила поведение новичка. Пришел серьезный человек, не халявщик. Выпили по первой, закусили.

– А где Витька Кретов? – спросил Анохин.

– Скоро будет, – ответил бородатый парень, – я его в проезде МХАТа видел, он там с Батоном крутился, сказал, что будет, и не пустой. А он тебе нужен?

– Да, надо с ним потолковать.

Выпили по второй. Ельцов, запив водку пивом, отметил, что напиток сей вполне на уровне. О чем и сказал новым друзьям.

– Пусть бы он попробовал пожененного пива принести. Нас накрывать боятся, – разъяснил ему ситуацию в подвале человек с мясистым носом и тонко подбритыми усиками. Такие усики обычно рисуют карикатуристы, когда создают образ отрицательного героя.

– Меня Володей зовут, – представился он Ельцову, – у тебя, случаем, кодеинчику нет?

– Нет. – Ельцов сделал глоток пива. Раньше он бы не понял, зачем Володе кодеин. Но зона научила многому. В кодеине содержался опиум, а если принять несколько таблеток, можно было прилично заторчать.

А за столом начался обычный веселый разговор. Какие все-таки разные люди сидели рядом с Анохиным и Ельцовым!

Спившийся чемпион – вышибала в кафе; Володя, непонятно чем занимающийся, но имеет за спиной пару сроков; Джангир Абалов – известный политический карикатурист; Юра Славков, кандидат экономических наук, бывшая надежда Института экономики; Гена Смолин, когда-то аспирант-историк, а ныне известный катала. Да и у остальных биография была пестра и непересказуема.

Полтора литра водки разлетелись быстро. Народ решил сбрасываться.

И тут Ельцов увидел Кретова. Раздобревшего, в потертom пиджачке, в рубашке клетчатой, мятой.

Он подошел к столу и поставил со стуком две бутылки портвейна.

– Моя дань, братцы, – хрипло засмеялся Кретов.

– Садись, – махнул рукой, приглашая, Смолин.

Кретов уселся на лавке, подвинув Володю.

– Вить, пока не начали квасить, – сказал Игорь, – давай отойдем, пошепчемся, дело есть. Вон и столик свободный образовался.

– Пойдем, Игорек, с тобой куда скажешь. – Кретов налил полный стакан пойла, именуемого портвейном, и пошел к пустому столу.

Анохин сделал знак Ельцову: погоди, мол.

Они отошли, а через некоторое время Юрий подошел к ним.

– Не прогоните? – спросил он севшим от ненависти голосом.

Сел. Тяжело посмотрел на Кретова:

– Ну что, падла, узнал меня?

– Ты... – подавился словами Кретов.

– Я, сука, я. Значит, помнишь.

– Я не хотел... – Голос Кретова сел. Он не говорил, а выталкивал из себя слова.

– А сигаретой лицо прижигать хотел? А бить ногами тебя тоже заставили? Где мои часы и зажигалка? Не забыл, как ты их у меня реквизирувал?

Ельцов схватил Кретова за отвороты пиджака, рванул. Тот ударился животом о стол.

– Он тебя, Витя, сейчас уроет здесь, и никто за тебя слово не скажет. – Анохин закурил сигарету. – У тебя один выход есть: рассказать нам, как все было.

– Что рассказать? – переспросил Кретов.

– А то, что ты мне тогда на «даче» поведал, только более подробно.

– Я не могу.

– Тогда я тебя инвалидом на всю жизнь сделаю, а может, и убью, – жестко ответил ему Ельцов.

Он сам подивился этому внезапно пришедшему спокойствию. Словно вместе с хмелем из него выветрилась ненависть к этому человеку.

– Ты не посмеешь. – Кретов пришел в себя и заговорил спокойно и нагло. – Я тебя, если тронешь, в ментовку сдам. Ты же только откинулся. А потом, кому веры больше – тебе или мне?

– Мне, – отрезал Анохин, – я же тебя подагентурил. Выгнали тебя за воровство. И не просто выгнали из партии и органов, но и разжаловали. Так что поверят мне.

Ельцов смотрел на Кретова. Его лицо, испитое, дергающееся, посеревшее от страха, было так не похоже на то, что осталось в памяти. В отделении на допросе с ним говорил жестокий, наглый, уверенный в своей безнаказанности человек.

– Что вы от меня хотите? – справившись с испугом, спросил Кретов.

– Ты нам все расскажешь, Витя. – Ельцов снова рванул Кретова на себя, поднес к его лицу горящую сигарету. – Ты не сомневайся, я на зоне многому научился, окурочок о твою рожу погасить мне запахло не будет.

– Вы тут потолкуйте, – Анохин встал, – а я пока ребятам о твоих делах, Кретов, расскажу. Они знаешь что из тебя сделают? Мало не покажется.

– Знаю, не надо, – внезапно спокойно ответил Кретов. – Где говорить будем?

– На «даче». – Анохин взял его за плечо, встал.

Лицо Витьки исказила гримаса боли.

– Пусти, Игорь, я сам пойду.

Они вышли на запруженную машинами Пушкинскую. В Столешниковом колыхалась человеческая река. Но на «даче» было пусто и безлюдно. После бензиновой гари здесь пронзительно пахло зеленыю. Сюда почему-то не долетал шум улицы. Казалось, что они уехали на старую окраину Москвы.

Сели у маленького столика.

– С чего начинать-то? – угрюмо спросил Кретов. – Может, за бутылкой кто сбегает? Мне насухо трудно говорить.

– На. – Анохин достал из кейса фляжку коньяка. – пей.

Витька отвинтил пробку, отхлебнул.

Ельцов смотрел, как ходит его кадык, и ему нестерпимо хотелось вбить эту фляжку в гнилозубый рот Кретова. Витька наконец оторвался от бутылки, зажмурился, вытер рот рукавом.

– Ну, поехали. Что говорить-то?

– При чем здесь Болдырев?

– Ты помнишь, он майором был начальником УГРО в Балашихинском райотделе?

– Помню, – ответил Анохин.

– Ну а я тогда в Кучине подгорел. В магазине «Мерный лоскут». Помнишь Яшку?

– Спектора?

– Ну.

– Помню.

– В общем, зачастил я к нему, ну, выпить, отрезик взять, денежки. В общем, переборщил я. Яшка, сучонок, меня обэхээсникам сдал. Те разозлились, что я на их делянке пастись начал, и заложили меня Болдыреву. Тот с меня подробное объяснение взял и сказал, что ходу ему пока не даст. Понял я тогда, что попал к нему в полную зависимость. И вдруг его в МВД забирают. А через год примерно меня вызывают в министерство. Я струхнул, думал, узнали там о моих делах с агентами.

– Кусочничал? – брезгливо спросил Анохин.

– Всякое было.

– Давай дальше.

И Кретов давал. Он допил коньяк и поэтому, а может, и выговориться наконец захотел, вылить из себя всю накопившуюся боль и грязь воспоминаний, потому что даже подлецы переживают все, как обычные люди, – говорил много и подробно. Анохин еле успевал незаметно менять кассеты диктофона.

Медленно опускались голубоватые прозрачные сумерки. Вышли на вечернюю прогулку наглые московские коты. Город, как огромный речной трамвай, осторожно вплывал в ночь.

Наконец Кретов бросил на землю недокуренную сигарету.

– Все, ребята, я сказал, что знал.

– Ну и молодец. – Ельцов встал.

– Только, если что, я от всего откажусь.

– Не выйдет, Витя. – Анохин вынул диктофон, нажал кнопку.

«...мы приехали к этому ювелиру с обыском. Постановление у нас было. Все чин чинарем. Болдырев сказал, чтобы ни один камушек в Израиль не ушел...» – проговорил механический голос Кретова.

– Суки!.. – Кретов прыгнул на Анохина.

Ельцов достал его с правой. Коронным крюком. Вполсилы.

Витька завалился на газон. Он смотрел, как уходят его враги, крутил головой, чтобы прийти в себя. А потом заплакал. Но это были не пьяные слезы. Он плакал от злобы и бессилия.

Он шел к себе на Трубную, квартиру эту ему помог получить Болдырев, когда его взяли в спецгруппу, и ощутил в голове звенящую тяжесть.

За всю жизнь его никогда так не били.

– Боксер сраный, погоди, падла кочегарная. Я на тебе отыграюсь. Кровью умоешься.

Он шел и придумывал кровожадные планы мести. Поднялся к себе на второй этаж, открыл дверь. В лицо ударил затхлый запах грязного белья, табачного перегара и сивухи. Радостно завизжала, затыкала крохотная лохматая дворняжка. Бросилась к Кретову, обняла лапами ногу.

– Мальчик... мальчик... соскучился, бедный... ну, пойдём, пойдём гулять.

Кретов поднял собачонку на руки. Она лизала его лицо горячим влажным языком, и Витьке стало хорошо и спокойно. словно ушли все неприятности, словно не бил его сегодня Ельцов. Рядом с ним было единственное существо, которое любило его и ради которого жил на этой мерзкой земле бывший опер Витька Кретов.

Порыв ветра, прохладного, с запахом молодой листвы, ворвался через открытую балконную дверь. Вздулась и взметнулась занавеска – казалось, женщина в белом шагнула в комнату. Видение это было настолько реальным, что Ельцов вздрогнул.

Над городом бесчинствовала ночь. Ветер с шумом проносился над кронами чахлых дворовых деревьев. Накатывали невидимые в темноте тучи, и казалось, будто чья-то рука стирает с неба звезды.

– Дождь будет. Сильный. Возможно, гроза. – Ельцов-старший вышел на балкон.

И словно в подтверждение его слов, вдалеке полыхнула зарница.

Игорь Дмитриевич вошел в комнату, посмотрел на племянника и Игоря Анохина, расслабленно кутивших сигареты.

– Давайте снова запись прослушаем. Хочу для себя некоторые детали уточнить.

– Сначала так сначала.

Игорь Анохин включил диктофон.

Чуть искаженный записью голос Витьки Кретьова наполнил комнату:

«Я приехал в министерство, и меня сразу отвели в кабинет Болдырева. Прошел год, а он уже полковником стал.

Болдырев сказал мне:

– Хочешь карьеру сделать – иди работать ко мне.

– Кем?

– Будешь в особой группе. Официально числиться придется за Фрунзенским райотделом, но по приказу тебя откомандируют в распоряжение министерства. Как у тебя с квартирой?

– Нет.

– Не беда, проживешь месяца три в общежитии, а потом получишь площадь в Москве. Станешь служить как надо – в январе майора получишь.

– Но я же старший лейтенант.

– Нет, уже капитан, завтра приказ на тебя подпишут.

Сколько человек в группе, я не знал. Сидели мы на Советской площади, там, где вывеска „Городской штаб народных дружин“. На срочное дежурство заступали бригадой из трех человек. Я знал только дежурных и своих ребят: подполковника Самыкина, потом он по состоянию здоровья перешел в дежурные, Юру Маслова, капитана, он раньше в МУРе работал.

Когда мне присвоили майора, я стал начальником отделения, так называлась наша бригада. В нее, кроме меня и Маслова, взяли майора Коцубу Бориса.

Занимались всем: наружным наблюдением, установкой, обысками, задержанием. Кстати, Ельцова мы пасли десять дней, изучая его

связи и привычки. Работали посменно. Одна группа сменяла другую».

Раздался голос Ельцова: *«Ты же говорил, что никто больше не знал?»*

Кретов: *«А я их только в лицо и видел, а кто они, нам расспрашивать запретили.*

Наша группа провела несколько операций. Мы пасли ювелира Шнейдермана. Отрабатывали его связи. Он подал заявление на выезд в Израиль, и Болдырев располагал информацией, что он хочет вывезти из страны уникальные украшения, а часть продать иностранцам. А те откроют ему банковский счет в Тель-Авиве и переведут туда деньги.

Мы производили обыск, составляли опись, ценности изымали».

Анохин: *«С понятыми работали?»*

Кретов: *«Все по закону. Так же мы прихватили черного антиквара Росовского, изъяли у него много картин и ценностей. Задержали вора Андрея Воловикова, кличка Вол. У него изъяли деньги, иностранную валюту, ювелирные изделия, много коллекционного оружия...»*

Голос Кретова звучал в комнате. Ельцовы и Анохин вновь слушали исповедь бывшего майора, а ныне ночного сторожа.

Но теперь они обращали внимание на мелкие детали.

– Смотри, как любопытно, – сказал Ельцов-старший, – после ограбления особняка Толстой Витька со товарищи приехал и забрал Веронику и ее дружка Лешеньку.

Но мало того, они отвезли их не на допрос в МВД, а сначала домой, где они собрали вещи, а потом в Шереметьево-2, где их ждал Болдырев. А что дальше?

– Дальше я знаю. – Анохин хрустко потянулся. – Веронику отправили в Париж, на следующий день в ресторане «Максим» была ее свадьба. А Леша выкатился в Израиль.

– Ну-ка, Игорек, крутани-ка пленку, – сказал Юра.

– Что ты хочешь услышать?

– Про Махаона.

Анохин нажал перемотку, начал искать нужное место.

– Вот оно.

Голос Ельцова: *«Вы только в Москве работали?»*

Кретов: *«Мы никуда не выезжали. Правда, Самыкин по пьяни рассказывал, что ездил он в Лабытнанги, где брал из колонии авторитетного блатняка Махаона и этапировал его в Салехард. Там передал его неведомым людям, наверно „соседям“...»*

– Что скажешь, дядя? – обратился Юрий к Игорю Дмитриевичу.

– Не знаю, ребята. Я всю свою жизнь в МУРе проработал, но о таких особых группах ничего не слышал. Фамилию Болдырев встречал, он нынче генерал, числится за оргинспекторским управлением, но чем занимается, никто не знает, говорят, что выполняет особые поручения министра... Вот что, друзья. – Полковник Ельцов поднялся, подошел к столу, набил табаком трубку, прикурил. По комнате пополз сладковатый запах голландского табака «Амфора». – Вот что, – повторил он, – мы вышли... нет, не вышли, а влипли в историю странную и опасную. Мы предполагали, когда разбирали записи Мишки Махаона, вернее, думали, что действует группа уголовников, как-то связанных с лагерной администрацией. Версия несостоявшаяся. Мы Ястреба пытались найти. Я через ребят в ГИЦ все учеты поднял. Нет такого уголовного, не проходит ни по каким учетам. Более того скажу, я пытался разыскать его по судебным делам, но их в архиве не оказалось. Установить его по оперучету – у меня сегодня таких возможностей нет.

– А что значит «влипли»? – Юра встал, подошел к балконной двери. – Смотрите, какой дождь хлещет.

– А влипли, дорогой племянник, значит только то, что за твоим делом стоит не уголовная шпана, а коррумпированная партийно-карательная верхушка. Ты, еще до своего ареста, сам с возмущением рассказывал мне, что творится наверху. О взятках, телефонном праве, подарках. Вспомни историю в Мозамбике. Ты же сам рассказывал о поставках военной техники неведомо кому, о редких драгоценных камнях, которыми чернозадые расплачивались за них.

Кто получал эти камни, куда они потом девались? Мне рассказывали знающие люди, что наши драгоценности уходят в банковские сейфы на Запад. А что творится в Афганистане? Наши ребята гибнут, а бонзы наживаются на их крови, везут сюда все те же камни, а в гробах убитых переправляют наркоту.

Ельцов-старший выбил трубку, посмотрел на часы.

– Утро скоро, ребята. Давайте спать. Подумаем на свежую голову о делах наших невеселых. А тебе, тетка, мой совет... – Полковник положил руку Анохину на плечо и тихо сказал: – Ты в это дело не лезь. Не надо. Помогай нам тайно.

– Не выйдет, Игорь Дмитриевич, я уже влез в него.

– Игорь, нельзя, чтобы наш противник считал тебя активным штыком. Ты помогай нам, но тайно, как секретный агент.

– Я их не боюсь, Игорь Дмитриевич.

– Да разве в этом дело, дорогой ты мой? Хватит нас двоих, меня и Юрки. По нас катком прошлись. Зачем тебе-то жизнь портить?

Махаон проснулся ночью от шума. Ветер, налетевший на город, гулко стучал открытым окном. Мишка закрыл створки, зажег настольную лампу, закурил сигарету.

Вот же как бывает. Заглянул в «Яму» пивка попить, глядь, Юрка Ельцов появился. Значит, откинулся паренек. Отхлебал баланду, отвалился на шконке.

Мишка не боялся, что Ельцов узнает его. Борода и усы настолько изменили лицо, что родная мать, с которой он случайно столкнулся на Тишинке, не признала. Его искали урки, купленные Ястребом, а он спокойно жил в Даевом переулке, в мастерской художника Коли Носкова.

Под мастерскую Коле отвели чердак, переделанный в трехкомнатную квартиру. Старый друг выделил Мишке хорошую комнату, обставленную случайной мебелью, ее бывшие хозяева, закупавшие модные гарнитуры, выкидывали, а художники растаскивали по мастерским.

РЕТРО. 1978 ГОД

Тогда Мишка не поехал с Жориком в Сочи. И правильно сделал, а то замочили бы его вместе с кентом. Они вместе добрались до Баку, а там разбежались. Мишка сказал дружку, что летит в Сибирь. Береженого бог бережет, а небереженого конвой стережет. Мишка улетел в Москву. Там он и узнал, что какие-то козлы украли деньги в банке. А это значило, что шансов выжить у него практически не осталось. Он прекрасно понимал, что это дело поставили шестерки Жорика, и когда их найдут – а что их заловят, Мишка не сомневался, – то расколются до задницы. Вот тогда всплывет его уникальная кликуха, и менты начнут на него охоту.

Некоторый запас времени у него имелся. В Москве он верил только одному человеку – вору в законе Пете Малышеву, по кличке Федор.

И поэтому Махаон сразу поехал к нему.

Федор жил в маленьком домишке на отшибе дачного поселка Салтыковка. Вел себя тихо и незаметно. Он давно уже не ходил на дело, хотя считался лучшим домушником в Союзе. Теперь он разрабатывал операции, за что получал положенное вознаграждение. В уголовном мире страны слово его на правиле считалось решающим.

Федор чтит воровской закон, никогда не работал, ничего тяжелее стакана водки не поднимал, семьи не имел. Дорожил своим авторитетом.

До станции Салтыковка Мишка добрался к вечеру. Было еще светло, но в воздухе появилась прозрачная голубизна, преддверие опускающихся сумерек.

Господи, сколько лет Мишка не видел этих сосен, не вдыхал полной грудью воздух, пахнувший прелью и острым настоем хвои. Он шел по узкой, протоптанной прямо в траве тропинке, дышал полной грудью и был переполнен свободой и своим одиночеством.

Домик Федора, стоявший на окраине старого, еще дореволюционного, поселка, показался сразу за поворотом.

Одноэтажный, выкрашенный в веселый голубой цвет, огороженный зеленым штакетником. Хозяин не сделал глухой забор, словно говоря всем, что ему скрывать нечего.

Подойдя ближе, Мишка увидел идиллическую картину. На ступеньках террасы сидел Федор в черных семейных трусах. На груди синела положенная ему, как вору в законе, татуировка, всего одна, словно орден. Могучий, чуть оплывший торс, мускулистые ноги и руки с перекатывающимися мышцами делали его похожим на борца, ушедшего на покой, что практически было правдой.

Петя Малышев родился в семье циркачей-силовиков, с раннего детства начал поднимать железо, выступал в программе «Русские богатыри», ездил по стране, оставляя в каждом городе выпотрошенные квартиры. Он выламывал замки с необыкновенной легкостью, брал только ценные вещи. А в послевоенные годы все было ценным.

Потом сел. Благодаря необыкновенной физической силе и твердому характеру пользовался на зоне непререкаемым авторитетом и после второй ходки, на Красноярской пересылке, был коронован в вора в законе.

Закон исполнял свято, поэтому и авторитет его среди блатных стал непререкаемым.

Федор сидел на крыльце и мыл молодую картошку, рядом с ним пристроился здоровенный кот, у ног лежала палевая дворняжка.

Мишка подошел к штакетнику и свистнул.

Федор поднял голову, скомандовал заворчавшей собаке:

– Цыц, Кум.

Он вытер мокрые руки о трусы и пошел к калитке. Они молча обнялись.

– Пошли, Миша, в дом. Я как раз жарчку готовлю. Значит, подорвал ты с зоны?

– Даже и не знаю, что сказать, Федор.

– Давай в дом, не надо тебе рисоваться у забора.

Они поднялись по скрипучим ступенькам, вошли в комнату. Ничто здесь не изменилось. Висели на стене старые цирковые афиши, портрет хозяина в борцовском трико с блестками, поднимающего здоровенную гирию. Грамота висела – о присвоении Петру Степановичу Малышеву почетного звания «заслуженный артист Каракалпакской АССР». Грамота была подлинная, в 1945 году в Каракалпакии номер «Русские богатыри» все заработанные на гастрольях деньги перечислил в Фонд обороны. За это местные власти и пожаловали циркачей этим высоким отличием.

Федор споро накрывал на стол. Салат из помидоров с огурцами поставил, картошечку молодую, горячую, посыпанную чесноком и укропом, селедку жирную, разрезанную пополам, крутые яйца, залитые сметаной, сало нежное с прожилками, не виданную Мишкой коричневого цвета курицу.

– Это что, Петя?

– Копченая курица. В ресторане на станции ее делают. Ты что пить будешь?

– Пиво есть?

– Имеется.

– Давай его. Я по пиву на зоне настрадался.

Федор вынул из холодильника четыре бутылки чешского «Праздроя».

Чокнулись пивом, начали закусывать. Федор ел спокойно, будто не побегушник к нему пришел, а сосед, которого он видит по десять раз на день.

Он пил пиво, ел курицу и ждал. Такой вот этикет у солидных людей. Начнет гость деловой разговор – он его поддержит. Не начнет – значит, побазарят о погоде да о курах копченых.

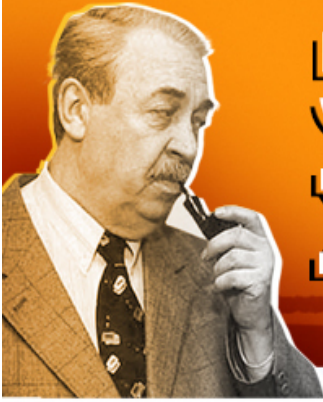
Наевшись, Мишка закурил, посмотрел внимательно на Федора:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЭДУАРА ХРУЦКИЙ

ЗЛО

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

